

ПРОЕКТ
«СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ
ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ»

Выпуск № 1

*ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

Москва 2015

Институт социально-политических исследований
Российской академии наук

Академический Институт социально-политических
и этнодемографических исследований
Российского гуманитарного социального университета

Научное издание

Под общей редакцией
академика РАН Г. В. Осипова
и д. социол. н., проф. Г. И. Осадчей

Редакционная коллегия серии:
д. филос. н., проф. Э. М. Андреев,
д. филос. н., проф. И. И. Антонович,
д. филос. н., проф. И. Б. Орлова,
д. социол. н., проф. Г. И. Осадчая,
к. социол. н., доц. И. А. Селезнев

**Проект «Социально-политическое измерение
реализации процессов евразийской интеграции».**

*Выпуск № 1.
Евразийская интеграция: теоретико-
методологические и практические аспекты.*

– М.: ИСПИ РАН, 2015. – 118 с.

В сборнике представлены материалы научной конференции «Исследование современного общества в парадигмах социологии и экономики знания», прошедшей в рамках Ломоносовских чтений в Высшей школе современных социальных наук (факультет) МГУ имени М. В. Ломоносова в апреле 2014 г. В конференции приняли участие студенты, аспиранты, преподаватели МГУ,

ISBN 978-5-7556-0555-7

© ИСПИ РАН, 2015

Авторский коллектив

Академик РАН Г.В. Осипов –

Евразийство как единение духа, союз территорий и экономик.
Вступительное слово;

д. филос. н. И. Б. Орлова –

Евразийская концепция: взгляд из современности;

д. филос. н. Э. М. Андреев –

Социально-политические и социально-культурные процессы
евразийской интеграции:
теоретико-методологические проблемы исследования;

д. социол. н. Г. И. Осадчая –

Социальное взаимодействие стран-участниц процесса
евразийской интеграции: теория, методология, практика;

к. социол. н. И. А. Селезнёв –

Формирование евразийского социального пространства
в свете зарубежного интеграционного опыта;

к. э. н. А. А. Гребенюк, Э. Р. Трунян –

Миграционный обмен на пространстве ЕАЭС:
современное состояние и перспективы;

д. филос. н. И. И. Антонович –

Глобальная террористическая угроза
как препятствие межгосударственной, исторической,
социально-культурной интеграции стран – членов ЕАЭС.

Содержание

6	I. Евразийство как единение духа, союз территорий и экономик. <i>Вступительное слово</i>
19	II. Евразийская концепция: взгляд из современности
31	III. Социально-политические и социально-культурные процессы евразийской интеграции: теоретико-методологические проблемы исследования
50	IV. Социальное взаимодействие стран – участниц процесса евразийской интеграции: теория, методология, практика
69	V. Формирование евразийского социального пространства в свете зарубежного интеграционного опыта
86	VI. Процессы миграции на постсоветском пространстве и становление ЕАЭС
99	VII. Глобальная террористическая угроза как препятствие межгосударственной, исторической, социально-культурной интеграции стран-членов ЕАЭС

ПРОЕКТ «СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ»

Выпуск № 1

*ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*

I. Евразийство как единение духа, союз территорий и экономик

Вступительное слово

Евразийство как социально-философское учение, а затем и идейно-политическое движение возникло и наиболее активно проявило себя в 1920 – 1930-е гг. в качестве ответа русского зарубежья на всё более явно проявляющийся изоляционизм русской «белой» эмиграции, как форма борьбы за утраченную Россию, как проект развития Русского Мира в принципиально новом формате и векторе. Это обстоятельство изначально придало евразийской идее оттенок экстремального свойства, определило её генеральную задачу и цели как борьбу «во спасение» Отечества и нации.

Отметим, что такое восприятие и понимание евразийской компоненты государственного строительства (в дальне- и среднесрочной перспективе) и реагирования на угрозы национальным интересам (в текущей ситуации) сохраняется поныне со стороны постсоветской России. Точнее сказать, той части истеблишмента нынешней Российской Федерации, которая наследовала идеи и теоретические разработки евразийства у «белой» эмиграции. (Понятно, что «красному» коммунистическому проекту с его «пролетарским интернационализмом» и перманентной борьбой по всему свету за торжество идей Маркса – Ленина евразийство было онтологически чуждо, вследствие чего семь десятилетий советской власти евразийство в СССР практически находилось под запретом.)

Зарождение евразийства для большинства исследователей связано с выходом в свет основополагающей работы Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1920). Именно её чаще всего называют «катехизисом евразийского учения».

«Не без внутреннего волнения выпускаю я в свет предлагаемую работу. Мысли, высказанные в ней, сложились в моем сознании уже более 10 лет тому назад. <...> Очевидно, в мышлении многих образованных людей произошел некоторый сдвиг. Великая война, а

особенно последовавший за нею «мир», который и до сих пор приходится писать в кавычках, поколебали веру в «цивилизованное человечество» и раскрыли глаза многим. Мы, русские, конечно, находимся в особом положении. Мы были свидетелями того, как внезапно рухнуло то, что мы называли «Русскою культурой». Многих из нас поразила та быстрота и легкость, с которой это совершилось, и многие задумались над причинами этого явления. Быть может, предлагаемая брошюра поможет кое-кому из моих соотечественников разобраться в своих собственных размышлениях по этому поводу»¹.

Окончательно «права гражданства» за новым идейно-философским учением закрепила вышедшая через год в Софии книга «Исход к Востоку» четырех авторов — лингвиста князя Н. С. Трубецкого, музыковеда П. П. Сувчинского, экономиста и географа П. Н. Савицкого и философа Г. В. Флоровского². Позднее к ним присоединились литературный критик князь Д. П. Святополк-Мирский (1922), историк Г. В. Вернадский (1924), философ Л. П. Карсавин (в 1924), правовед Н. Н. Алексеев (1926) и ряд других молодых учёных, публицистов, студентов и бывших офицеров. Евразийские кружки возникли в Праге, Берлине, Париже, Брюсселе и других городах Европы. В 1927 г. оформилась политическая организация евразийцев.

Идейной основой евразийства стали философско-религиозные теоретические наработки славянофилов и, особенно, К. Н. Леонтьева. Главной задачей философских исканий евразийцев было создание идеологии России, где в органическом единстве соединились бы наука, философия, религия, присущие русскому национальному сознанию, традициям нации и её представлениям о справедливом мироустройстве. Поэтому в теоретических разработках евразийцев важное место занимают понятия евразийского мироощущения и евразийского умонастроения. В этом плане евразийство близко *вере*, когда *чувство* как таковое, *осознание* избраннической сути своего *служения* превалируют над препарирующим явлением анализом.

Ближайшим идейно-политическим источником евразийского учения является учение славянофилов. У ранних славянофилов евразийцы восприняли прежде всего идею соборности как «единства во множестве». Соборность — высший принцип существования личности, социальной группы, класса, государства, этноса. Высшей в иерархии соборности является соборность православной церкви.

Близка оказалась евразийцам идея Н. Я. Данилевского о культурно-исторических типах. Разделяли евразийцы и его взгляды по проблеме противостояния России и Запада. Они резко критиковали

¹ Трубецкой Н. С. Европа и человечество // История. Культура. Язык. - М., 1995.

² Савицкий П., Сувчинский Г. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев: Статьи. - София: «Балкан», 1921.

попытки европейской цивилизации абсолютизировать свои ценности, выдать свою культуру за общечеловеческую.

«Европейский космополитизм, который есть не что иное как общероманогерманский шовинизм, распространяется среди нероманогерманских народов с большою быстротой и с весьма незначительными затруднениями. Среди славян, арабов, турок, индусов, китайцев и японцев таких космополитов уже очень много. Многие из них даже гораздо ортодоксальнее, чем их европейские собратья, в отвержении национальных особенностей, в презрении ко всякой нероманогерманской культуре и проч.»³. (Поражает актуальность данной сентенции для наших дней. С одной, пожалуй, корректировкой: если во времена Н. С. Трубецкого речь шла о романогерманском шовинизме, прикрываемом более респектабельным понятием «космополитизм», то теперь всё чаще говорится об англо-санксонском или – шире – атлантистском насильственном доминировании – шовинизме).

Считая славянофилов своими предшественниками, евразийцы вместе с тем по ряду теоретических позиций резко критиковали их. Они не принимали идеи приоритетной роли славянства в русской государственности, считали утопическими идеи панславизма. В этом вопросе позиции евразийцы оказались гораздо ближе к византизму Леонтьева.

Выход через год коллективного труда «Исход к Востоку» (София, 1921) закрепил духовное объединение сторонников евразийства. Как свидетельствуют историки предмета, за несколько лет увидели свет коллективные монографии «На путях» (Берлин, 1922), «Россия и латинство» (Берлин, 1923), четыре «Евразийских временника» (Берлин, 1923, 1925; Париж, 1927; Прага, 1929), 12 выпусков «Евразийской хроники»; издавались журнал «Вёрсты», еженедельная газета «Евразия» (1928–1929).

Благодаря такому исследовательскому энтузиазму, евразийское учение вскоре стало представлять собой в наиболее полном объёме разработанный вариант русской идеи, охватывающий самые разнообразные научные, религиозные, философские концепции, в центре которых — идея России как самобытной цивилизации.

В конце 1920-х гг. в евразийском движении наметились разногласия, которые привели к теоретической полемике и организационному расколу движения. Основанием, по которому евразийцы разделились на умеренных и радикальных, явилось их отношение к политическому режиму в СССР. Евразийское движение просуществовало практически до начала Второй мировой войны. В тот период эмиг-

³ Трубецкой Н. С. Европа и человечество // История. Культура. Язык. - М., 1995.

рация раскололась на «оборонцев» и «пораженцев». Первые считали, что независимо от существующего в СССР политического режима в случае возникновения войны надо защищать страну. «Пораженцы» выступали с противоположных позиций, считая, что победа Германии будет означать падение большевистского режима в СССР, настаивали на необходимости её поддержки. Евразийцы в этой полемике безоговорочно занимали позицию оборончества.

Истоки революции 1917 евразийцы видели не в «заговоре кучки смутьянов, доставленных в запломбированных вагонах в Россию», а в процессе европеизации России, начатом Петром I и продолженном его бездарными преемниками. Европеизация привела к резкому социальному расслоению и абсолютному отрыву «правлящего отбора» от широких народных масс, что сделало революцию — смену «правлящего отбора» — неизбежной. Поэтому революцию следовало принять как завершение эпохи европеизации России, принять как факт и думать о дальнейшей судьбе России, — декларировали евразийцы. Подобные выводы евразийцев вызывали резкие возражения сторонников самых разных политических взглядов — от монархистов до либералов.

В своём проекте будущего государственного устройства России евразийцы предусматривали однопартийную систему (многопартийность — следствие европейской цивилизации — не подходила, по их мнению, к российским, евразийским условиям), федеративное государство под управлением ведущего «отбора», выдвигаемого непосредственно народом. В экономике предполагалось обеспечить гармоничное сочетание коллективной и частной собственности на основе «общего дела». В духовной жизни главная роль отводилась идеологии православия.

Евразийство явилось творческой реакцией русского национального сознания на русскую катастрофу. За политическими катаклизмами молодые учёные разглядели болезнетворные процессы в русской и западноевропейской культуре. Коммунизм представлялся им как порождение секуляризированной европейской культуры, а на русской почве — как крайнее выражение западничества. Его политическая победа лишь обнаруживала духовное убожество победивших и предвещала неизбежный возврат эпохи веры. Сопrotивление коммунизму бесперспективно, если не будет осознана опасность процесса европеизации России и необходимость самобытного пути ее развития.

Движение прошло через три этапа.

Первый этап (1921—23) — философское и культурологическое обоснование самобытности и антизападничества.

Второй этап (1924—1929) — переориентация деятельности под воздействием чекистской дезинформации на идеологическое обос-

печение якобы возникшего в СССР подпольного евразийского движения, влиятельного в армии и комсомоле; систематизация евразийской идеологии, её упрощение ради доступности массам; составление политических и социально-экономических программ мирного преобразования советского государства в государство евразийско-идеократическое; затушёвывание религиозной проблематики и подчеркивание культурной и психологической совместимости народов, населяющих СССР.

Повышенный интерес к политическим и стихийно-психологическим процессам в СССР стимулировал возникновение просоветских настроений в самом евразийстве. С появлением выражающей эти настроения газеты «Евразия» (1928—1929) под редакцией Сувчинского, Карсавина, Эфрона и др. происходит «кламарский раскол» и моральная дискредитация евразийства в эмигрантском общественном мнении.

Третий этап (1930—1939) — медленное угасание и подведение итогов.

Уже при зарождении евразийства его авторы пытались согласовать, по крайней мере, три различные мировоззренческие установки: натурализм Савицкого, культуроцентризм Трубецкого и христороцентризм Флоровского. Для возрождения России считалось необходимым восстановить прежние государственные границы, сохранить культурно-психологическое единство народов Евразии, защитить православие как пути творчества, ибо полагалось, что вызреванию масштабных творческих личностей в России в максимальной степени может способствовать только православная культура, сплавливающая воедино разум и веру и опирающаяся на традиции двух других евразийских культур (эллинистической и византийской). Пока напряжённое единство трёх указанных установок сохранялось, евразийство оставалось живым и плодотворным. Упрощение и систематизация евразийской идеологии привели к расколу и деградации движения.

Что представляет собой сегодняшнее евразийство?

Как уже было упомянуто нами выше, евразийство можно определить и как «теорию экстремального реагирования». Следовательно, нет ничего необычного в том, что ренессанс учение это пережило в один из самых сложных и трагических периодов отечественной истории — в годы распада Советского Союза.

Тогда мой коллега и личный товарищ Александр Александрович Зиновьев как мало кто в стране и мире понял суть происходящих на одну шестую мирового пространства катаклизмов, и не только продумал, но и указал основные реперные точки, главные пункты по-

нимания проблемы распада страны. Страны по территории, величю духа населяющих ее народов, уникальности героической истории и объёму позитивных свершений за советский социалистический период подобной мирозданию.

В этом вопросе мы оказались единомышленниками с научной точки зрения и были солидарны в нашей готовности противостоять политической, экономической, социальной энтропии Отечества. Нами были сформулированы три основных пункта, без понимания которых невозможно было понять того, что происходило в истории человечества и что привело к распаду СССР и, как следствие, потере в глобальном масштабе не просто политико-социальной, но и экзистенциальной устойчивости.

Первое – это понимание сути реального коммунистического эксперимента, который имел место в нашей стране.

Второе – это понимание реального, не идеологическо-пропагандистского западного общества, которое существовало тогда и продолжает в таком же виде существовать поныне, и которое без устали навязывается России. И не только России, но и всему человечеству.

Третье – представления о том, что на самом деле является глобальным обществом, что детерминирует процесс глобализации, который зашёл уже так далеко, что обратного пути не существует, как не существует обратного пути и в отношении эволюции нашей страны⁴.

Аналогичные или принципиально схожие вопросы вслед за нами и параллельно с нами задавали и остальные патриотическим образом настроенные учёные России. В том числе и сторонники неоевразийства.

Как считает один из лидеров современного евразийского философского учения А. Дугин, возникшее после 1985 г. в Советском Союзе неоевразийство не только придало достижениям своих предшественников классическую стройность и завершённость, но и сообщило интуициям классиков новую актуальность, новый смысл, новый масштаб и новое значение. Классическое евразийство возродилось в неоевразийстве и тем самым покинуло узкие рамки «прошлого». Получив новую жизнь, оно перестало быть столь очевидным, как это казалось, обнаружило новый скрытый потенциал, новые стороны. Таким образом, через неоевразийство вся евразийская идея в совокупности вышла в новое измерение⁵.

Сегодня ни коим образом при анализе действительности, при научных футурологических прогнозах нельзя игнорировать колос-

---

⁴ Зиновьев А. А. О России, о Западе и о себе. - М.: ИСПИ РАН, 1998.

⁵ Дугин А. Г. Ноомахия. Войны ума. По ту сторону Запада. Индоевропейские цивилизации: Иран, Индия. - М.: Академпроект, 2014.

сального пути, которое проделала неоевразийская мысль. Евразийство как планетарный тренд исследовало следующие аспекты.

1. Процесс глобализации в качестве главного содержания современности и позиционировало себя как учение и практику альтерглобализации. Признавая объективность глобализации и, соответственно, конец эпохи «национальных государств» (Etats-Nations), неоевразийцы предлагают качественно иной оригинальный сценарий глобализации. Не однополярный мир и не единое мировое государство с единым мировым правительством, а несколько глобальных зон-полюсов, т. е. вариант многополярной глобализации.

2. Теорию и практику атлантизма и американизма и жёстко отказало им в универсальности, в праве на тотальность и общеобязательность. У западноевропейской и американской цивилизации есть множество привлекательных черт и аспектов, достойных подражания и восхищения, но в целом – это локальные ценностные и культурные системы, имеющие право на существование в своём историческом контексте наряду с другими цивилизациями и системами. Евразийство, исходя из этого, защищает не просто антиатлантистскую ценностную систему, но многообразие ценностных структур, своего рода «поливерсум», в котором найдётся достойное место и для США, и для атлантизма, но непременно наряду с другими, не менее достойными, цивилизациями.

3. Структуру мира, основанную на жёсткой модели центр – периферия, и отрицает её, позиционируя себя в качестве плюриверсума. Утверждает в качестве наибольшего предпочтения планету, состоящую из созвездия полуавтономных и относительно открытых друг другу «больших пространств». Этими пространствами должны стать не отдельные государства-нации, но блоки таких государств, реорганизованные в континентальные федерации, своего рода «демократические империи» с большой степенью внутренней автономии. Каждая из таких континентальных федераций сама по себе мыслится многополярной, включающей в себя сложные системы этнических, культурных, конфессиональных и административных единиц.

В этом – наиболее глобальном – смысле евразийство открыто для всех жителей земли, оно может стать идейной платформой для любого человека, независимо от места его рождения, проживания, национальности или гражданства. Евразийство в таком случае становится общечеловеческой возможностью свободно выбрать будущее по ту сторону искусственно навязываемых однополярных клише.

Можно заключить, что евразийство на уровне планетарного тренда – это глобальный, революционный, цивилизационный концепт, который, постепенно уточняясь, призван стать новой мировоззренческой платформой взаимопонимания и сотрудничества для широ-

кого конгломерата различных сил, государств, народов, культур и конфессий, отказывающихся от атлантистской глобализации.

Стоит внимательно ознакомиться с заявлениями самых разнообразных сил во всём мире: политиков, философов, интеллектуалов, и мы удостоверимся, что евразийцы составляют подавляющее большинство. Менталитет многих народов, обществ, конфессий и государств, хотя они сами об этом могут не подозревать, евразийский.

Если подумать об этом множестве различных культур, религий, конфессий и стран, не согласных с концом истории, навязываемым нам, бодрость нашего духа возрастёт, а серьёзность рисков реализации американской концепции стратегической безопасности XXI века, связанной с установлением однополярного мира, резко увеличится.

Евразийство есть совокупность всех естественных и искусственных, объективных и субъективных препятствий на пути однополярной глобализации, причем, возведённых от простого отрицания к позитивному проекту, к созидательной альтернативе. Пока эти препятствия существуют разрозненно и хаотически, глобалисты справляются с ними по отдельности. Но стоит их интегрировать, сплотить в некое единое, последовательное мировоззрение планетарного характера, шансы на победу евразийства во всём мире будут весьма серьёзными.

4. Фактическое мессианство Нового Света и не признало за ним естественных оснований. Будучи конкретным историческим продуктом Западной Европы на определённом этапе её развития (в основном в ареале Англии, Ирландии и Франции, влияние же Германии и Восточной Европы на структуру американского общества было незначительным и фрагментарным), Новый Свет рано осознал свое «мессианское» предназначение, в котором либерал-демократические идеалы Просвещения неразрывно переплелись с эсхатологией крайних протестантских сект. Это мессианство получило название теории Manifest Destiny – «Очевидной Судьбы», которая стала символом веры многих поколений американцев. Согласно этой теории, американская цивилизация преодолела все культуры и цивилизации Старого Света и является отныне универсальной нормой, которую следует навязать всем остальным народам планеты.

Дуализм между «Старым Светом» и «Новым Светом» в терминах О. Шпенглера можно свести к парам «культура и цивилизация», «органическое и искусственное», «историческое и техническое». История осталась в Старом Свете. В Новом Свете продолжает строиться искусственный проект, рафинированная «цивилизация модерна».

При всей безусловной важности теоретических концепций неоевразийца особую актуальность для нашей страны приобретают её стратегия, тактика и практика российского истеблишмента, в первую очередь, на постсоветском пространстве.

Интеграция материка.

Создание Евросоюза стало величайшей вехой в возвращении Европы в историю. Это было ответом «Старого Света» на непомерные претензии «Нового». Если рассматривать альянс США и Западной Европы как атлантический вектор европейского развития, то интеграцию самих европейских держав – с преобладанием континентальных стран (Франция – Германия) – можно считать евразийством применительно к Европе.

Особенно это становится наглядным, если учесть сентенции о том, что Европа геополитически простирается от Атлантики до Урала (Ш. де Голль) или до Владивостока. Иными словами, бескрайние пространства России также полноценно включаются в поле Старого Света, подлежащего интеграции.

А поскольку сама Россия (как, впрочем, и предки многих европейцев) в значительной степени связана с тюркским, монгольским миром, с кавказскими народами, то через Россию – и параллельно через Турцию – интегрирующаяся Европа как Старый Свет уже в полной мере приобретает евразийское измерение; в данном случае не только в символическом, но и в географическом смысле.

Евразийское видение будущего мира предполагает деление планеты на *четыре вертикальных пояса* или меридиональные зоны, простирающиеся с севера на юг. Оба американских материка представляют собой одно пространство, которое в целом ориентировано на США и контролируется ими, в рамках некогда принятой американцами «доктрины Монро».

Три другие меридиональные зоны можно отнести к евразийским. К ним принадлежат:

- Евроафрика с центральной функцией Евросоюза;
- российско-среднеазиатская зона;
- Тихоокеанская зона.

В рамках этих зон происходит региональное разделение труда и капиталов, взаимодействуют между собой очаги развития и коридоры роста. Три евразийские зоны балансируют как в отношении друг друга, так и в отношении атлантической зоны.

Проект «четырех зон» призван реализовать евразийство на стратегическом уровне. Наиболее актуален для современной России проект российско-среднеазиатской зоны. Здесь основополагающую и центральную роль играет построение оси Москва – Тегеран.

Ось Москва – Тегеран.

Весь интеграционный евразийский процесс зависит от того, сумеет ли Россия найти формат тесного стратегического партнерства с Тегераном, как в долгосрочной, так и в среднесрочной перспективе.

Сложение потенциала России с иранским в области экономики, ресурсов, военной и политической сфере будет достаточным фактором для того, чтобы сделать процесс меридиональной интеграции необратимым и автономным, не зависящим от остальных дополнительных факторов. Начиная со строительства оси Москва – Тегеран, евразийский проект обретает конкретное воплощение. Обе страны являются автономными мощными региональными державами, способными выстроить свою модель организации стратегического пространства.

Евразийский план для Афганистана и Пакистана.

Российско-иранский вектор принципиально важен как для создания стратегической конструкции, открывающей России выход к тёплым океанам, так и для политико-религиозного переустройства всего среднеазиатского региона – как среди азиатских стран СНГ, так и для зоны Афганистана и Пакистана.

Тесное сотрудничество Ирана с Россией предполагает превращение афгано-пакистанского пространства в свободную исламскую конфедерацию, нейтрально-лояльную как Тегерану, так и Москве. Афганистан и Пакистан как унитарные государства в новой реальности будут создавать постоянные угрозы и накалять дугу нестабильности, разрезающую евроазиатский континент. Только совместная геополитическая инициатива всех этих держав по созданию новой центральноазиатской федеративной модели способна превратить этот сложный регион в зону сотрудничества и соцветания.

Ось Москва – Дели.

Российско-индийское сотрудничество является второй важнейшей меридиональной осью интеграции материковых просторов. По оси Москва – Дели будет проходить силовая линия сотрудничества по созданию общей системы евразийской коллективной безопасности. Важно, что Москва сможет активно участвовать в снятии напряжений между Исламабадом и Дели в вопросах Кашмира.

При этом евразийский проект для самой Индии, спонсором которого призвана выступать Москва, формулируется как создание федеративного устройства, отражающего и закрепляющего всё многообразие индийского общества – с широким спектром этнических и религиозных меньшинств, включая сикхов и мусульман.

Москва – Анкара.

Важнейшим региональным партнером в деле интеграции российско-центральноазиатского пояса выступает Турция. Эта страна сама несёт в себе много «евразийских» элементов, западные тенденции там тесно переплетены с восточными. Турция всё более осознает свое

цивилизационное отличие от Евросоюза, специфику своих региональных интересов, риски глобализации и с неизбежностью заложенной в ней десоверенизации. Императивом становится поиск новых стратегических партнёров, в том числе и России.

Примером удачной реализации такого партнёрства является подписанный в Анкаре во время визита в Турцию Президента РФ В. В. Путина договор о строительстве газопровода по дну Чёрного моря из России в Турцию, откуда планируется его продолжение в страны Юга Европы.

Евразийский союз.

Интеграционную функцию в этом содружестве исторически близких стран взяла на себя православно-монархическая Россия, а затем СССР. Сегодня Евразийский союз, продолжающий интеграционную традицию, выработал особую мировоззренческую модель, учитывающую демократические процедуры, уважение прав народов, скрупулезный учёт культурных, языковых и этнических особенностей всех участников интеграции. Евразийство в этом относительно узком масштабе может быть рассмотрено как философия интеграции постсоветского пространства на демократической, ненасильственной и добровольной основе без доминирования какой бы то ни было этнической или конфессиональной группы.

Активнее всего эту идею поддерживает *Казахстан*. Президент Н. А. Назарбаев является убеждённым и активным поборником евразийства.

Столь же позитивно к проекту относятся *Киргизия* и *Таджикистан*.

Узбекистан и особенно *Туркменистан* несколько дистанцируются от евразийской интеграции, пытаясь вычерпать максимум позитивных следствий из заново обретенной национальной государственности.

Армения последовательно тяготеет к Евразийскому союзу, ищет в России поддержку и опору в отношении преимущественно исламского окружения, в котором оказался Ереван в настоящее время. Показательно, что Тегеран также предпочитает в качестве приоритетных закавказских партнеров этнически и лингвистически близких к иранцам армян, что позволяет говорить о двух полуосях Москва – Ереван и Ереван – Тегеран как о позитивных предпосылках интеграции.

Азербайджан придерживается нейтральной позиции, но многое может измениться. С точки зрения культурного устройства, Баку стоит гораздо ближе к России и постсоветским республикам Кавказа и Средней Азии, нежели к религиозному Ирану или даже светской Турции.

Грузия представляет собой наибольшую проблему сразу по нескольким причинам. Мозаичный характер грузинского государства ставит серьёзные проблемы в строительстве нового национально-государства, которое резко отвергается населяющими Грузию национальными меньшинствами. По всей вероятности, не скоро удастся преодолеть и последствия кровавых авантюр в Южной Осетии президента Саакашвили, вынудивших Российскую Федерацию применить в отношении Грузии войсковую операцию по «принуждению к миру».

Славянские страны СНГ – Украина, Беларусь.

Для успеха создания Евразийского союза необходимо и достаточно заручиться твёрдой поддержкой этого проекта со стороны Казахстана и Украины. Треугольник Москва – Астана – Киев является той конфигурацией, которая обеспечит всей конструкции нового образования устойчивость. Однако события последнего года на Украине: антиконституционный «майданный» переворот в Киеве, обстрелы украинской армией не принявшего фашистско-бандеровский переворот Донбасса откладывают реализацию такого партнерства на неопределённое время.

Россию с Украиной сближает многое: культура, язык, этническая общность, религия. При том, что независимость Украины носила изначально русофобский, подчёркнуто дезинтеграционный характер, в евразийском проекте со стороны России следует максимально проявить терпение и выдержку, акцентировать именно те аспекты, которые сближают эти две страны.

Сближение России с Беларусью протекает в плавном умеренном ритме. Даже создание формально единого союзного государства практически не сказалось на темпах и глубине российско-белорусской интеграции. Но временное (будем надеяться!) самоустранение Украины от евразийской интеграции существенно увеличивает роль и политико-экономический «вес» Беларуси. Это подтвердилось самим фактом проведения именно в Минске четырёхсторонних переговоров (Нормандский формат) между Евросоюзом, Россией, Украиной и самопровозглашенными республиками Юго-востока Украины.

Евразийство – открытая философия.

Философия евразийства – открытая философия, любые формы догматизма ей чужды. Она может пополняться многообразными течениями – историей религий, социологическими и этнологическими открытиями, геополитикой, экономикой, страноведением, культурологией, разнообразными видами стратегических и политологических исследований и т. д. Более того, евразийство как философия

предполагает оригинальное развитие в каждом конкретном культурном и языковом контексте. При этом основные силовые линии этой философии в целом будут сохраняться неизменными.

Пишу эти строки на второй день после состоявшейся в Астане встречи президентов Казахстана, России и Беларуси. На ней в очередной раз в рабочем режиме обсуждались вопросы нашей евразийской интеграции.

Во время дружественной, продуктивной дискуссии от Президента РФ В. В. Путина поступило предложение подумать об учреждении, вслед за экономическим, валютного союза. Предложение, как сообщили телеграммами-«молниями» ведущие информационные агентства мира, было встречено с пониманием и вызвало живой интерес.

Плодотворное сотрудничество ведущих держав Евразийского союза на благо народов наших стран продолжается, крепнет, развивается!

II. Евразийская концепция: взгляд из современности

Евразийская концепция в формализованном виде существует уже столетие, хотя идеи, послужившие для нее основой, гораздо старше. За это время кардинально менялась историческая, социальная, геополитическая картина мира, появлялись и исчезали государства, сменялись политические системы, но евразийство не умирало. В различных вариантах евразийские идеи появлялись, угасали и снова возрождались несколько раз. Это было в 70-х гг. XIX века (Н. Я. Данилевский и др.), затем в 20–30-х гг. XX века (евразийцы из русской эмиграции) и далее на рубеже нового тысячелетия. Что общего у этих трех периодов? **Первый** – это переломное время после крестьянской реформы 1861 г., период быстрой капитализации России. **Второй** период – 20-е гг. XX столетия – время революции, крушения старого мира, время великой катастрофы. Тогда главным смыслом и содержанием работ евразийцев – русских эмигрантов был поиск «идеи-правительницы», «путеводной нити», которая смогла бы привести Россию к процветанию. **Третий** период – последнее десятилетие XX века. Разрушение единого государства СССР, крах коммунизма, слом социальной системы, крушение прежних ценностей, идеалов, рост националистических, сепаратистских устремлений в бывших союзных республиках, в российских регионах, – и огромная социальная цена, заплаченная всеми народами бывшего Союза за очередную трансформацию общества. И в этот период поиск «путеводной нити», ведущей народы единой в прошлом страны к достойному будущему – главная цель «нового» евразийства. Можно сделать вывод о том, что евразийство возрождается в критические, переломные эпохи. В каждый свой приход новые черты добавляются к неизменной основе.

В конце 90-х гг. XX века для России снова актуальным стал вопрос о выборе пути. Какую модель развития принять? К каким целям стремиться? Каким образцам следовать? Сегодня, через более чем двадцать лет реформирования России, на эти вопросы мы не получили официального ответа, властью так и не определена стратегическая цель развития страны. России активно и небезуспешно навязывается западная модель, выдаваемая за «универсальную»

или «общечеловеческую» цивилизацию. Теоретическим обоснованием такого подхода служит однолинейная схема социально-исторического процесса, в которой за вершину, за высшую точку принимается западная (европейская и её модификация – американская) цивилизация, ценности которой должны, якобы, быть распространены по всему миру. Не дан ответ на центральный теоретический и мировоззренческий вопрос о цивилизационном мироустройстве, о том, является ли Россия ядром самостоятельной евразийской цивилизации или же её путь – подражание цивилизации западной и стремление к присоединению к ней. Какова вообще схема социально-исторического процесса – однолинейная с единственной вершиной – западной цивилизацией, или же многолинейная? Евразийская концепция построена на основе мультилинейной схемы социально-исторического процесса. Такой подход разрабатывался в трудах Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, П. А. Сорокина, Л. Н. Гумилева, С. Хантингтона и других ученых.

Мультилинейная схема включает цивилизации как самостоятельные единицы социально-исторического процесса, которые нельзя расположить иерархически. Не существует единого ритма социально-исторического движения, в то время как внутри каждой цивилизации существует свой ритм, свои фазы развития (зарождение – расцвет – угасание), которые ими проходятся одновременно, в соответствии с собственной логикой и собственной спецификой.

Западная цивилизация является одной из многих, она не наделяется привилегией вечного прогресса или привилегией исключительности. Последствия распространения по всему миру одной культуры, одного типа государства, одной цивилизации – губительны для общества. Западная цивилизация, находящаяся в стадии своего «заката», существует наряду с другими, в числе которых находится евразийская – предмет нашего исследования.

Евразийская концепция интерпретирует Евразию как особую географическую, социально-историческую и социально-культурную общность. Многие ученые: Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, Г. В. Вернадский, О. Шпенглер писали о том, что в массиве земель Старого Света целесообразно выделять «Европу», «Евразию» и «Азию». Срединную часть континента или Евразию, лежащую между Китаем, горными цепями Тибета и «западным полуостровом Европой» – огромную плоскую равнину, не имеющую внутренних природных границ, можно выделить как самостоятельную целостность, отдельную от Европы и Азии, от Запада и Востока. Географы обосновывают такой подход не только специфическими особенностями рельефа, но и характером растительного мира, климата, количества осадков, амплитудой температур.

Целесообразность выделения Евразии как самостоятельной целостности, имеющей свои и только свои характеристики, подтверждается не только географией, но и историей культуры и этнической историей. Огромный субконтинент: зону лесной полосы и Великую степь нельзя отнести ни к Западу, ни к Востоку. Ее можно выделить как отдельную от того и другого, самостоятельную целостность – Евразию. *Россия является главной составляющей, сердцевиной частью единого образования – Евразии. Русский историк Г. В. Вернадский признавал, что нет двух России, «европейской» и «азиатской», есть только одна Россия «евразийская» или Россия – Евразия»⁶.*

Природа срединной части континента – Евразии – сочетание лесных и степных ландшафтов через разные типы хозяйств предопределила возникновение системной целостности, включавшей в себя народы, нуждавшиеся в результатах хозяйственной деятельности друг друга и находившиеся в постоянном контакте и взаимодействии.

Взаимодействие евразийских народов за 2 500 лет сплелось в единую системную общность, которая развивалась, видоизменялась.

На протяжении всей известной нам истории, позволяющей проследить взаимодействие евразийских народов, наблюдается одна и та же поразительная закономерность: чередование двух сменяющих друг друга геополитических форм организации евразийского пространства, пульсирующее **чередование двух периодически сменяющих друг друга геополитических форм организации евразийского пространства. Это чередование единой государственности и системы государств.**

В схематичном виде исторические ритмы организации евразийского пространства представлены Г. В. Вернадским так:

I.

- а) единая государственность (Скифская держава);
- б) система государств (Сарматы, Готы).

II.

- а) единая государственность (Гуннская империя);
- б) система государств (Авары, Хазары, Камские болгары, Русь, Печенеги, Половцы).

III.

- а) единая государственность (Монгольская империя);
- б) система государств (распад Монгольской империи: Золотая Орда, Джагатай, Литва, Русь, Казань, киргизы, ойраты, монголы).

IV.

- а) единая государственность (Российская империя, Союз Советских Социалистических Республик... ?)

⁶ Вернадский Г. В. Начертание русской истории // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. - М., 1992.

Схема Г. Вернадского заканчивается вопросительным знаком, поставленным после образования СССР как единого государства. Мы, свидетели распада мировой державы – Советского Союза, можем продолжить схему ученого и дописать недостающее у него звено:

IV.

б) система государств (15 бывших союзных республик, ставших самостоятельными государствами).

Следующей формой, в соответствии с логикой этой конструкции, должно стать объединенное евразийское государство. Мы являемся свидетелями и непосредственными участниками уникального процесса смены исторических ритмов организации евразийского пространства: разрушения единого государства СССР, создания системы новых государств и намечающихся тенденций движения независимых евразийских государств к интеграции. Но если учесть, что период смены геополитических форм организации евразийского пространства (по Г. В. Вернадскому) занимал столетия, то, вероятно, свидетелями завершения процесса перехода мы не станем. Кроме того, сейчас трудно говорить о том, кто станет главным «объединителем».

В предыдущие периоды «объединителями» становились скифы, гунны, хазары, монголы, славяноруссы, советские коммунисты. Попытки эти предпринимались с разных сторон – с востока и запада Евразии. При всех временных особенностях, объединению всегда способствовало то, что системные связи между евразийскими народами никогда не бывали полностью разрушенными, и сохранялся исторический фундамент общевразийского единства.

Другой «сквозной» евразийской идеей является признание единственно перспективным для Евразии самостоятельного, неподражательного развития, опирающегося на национально-культурные традиции, нормы, ценности и опыт многовекового сотворчества народов.

Путь, пройденный странами СНГ за годы отдельного существования, привел к тому, что теперь уже, наверное, все поняли, что нас не ждут ни в Европейском, ни в каком другом доме, что за граница никому не поможет, что опираться придется на собственные силы. Признаков отрезвления много – это не что иное как **возрождение исторического евразийского императива:** необходимости интеграции народов, объединенных культурно-историческими, цивилизационными связями; народов, имеющих тысячелетний опыт взаимодействия и совместного обустройства своего общего дома, – Евразии.

Нарождающиеся новые интеграционные тенденции требуют от ученых концептуального обоснования современных процессов, происходящих на евразийском пространстве. Мы должны **предложить идеи, которые бы работали на объединение** евразийских на-

родов. Какие интеграционные идеи были в нашей истории? Эффективными оказывались только те из них, которые были привязаны к конкретному социально-историческому контексту и к конкретному отрезку времени. Так, в дореволюционный период объединительной выступала **идея русской государственности**. В советский – объединяющим фактором в Евразии – СССР был идеологический: осуществление **идеи диктатуры пролетариата** всех народов СССР. Интеграционную идею для будущего, как нам представляется, можно построить на современной **евразийской идее**.

Другие предлагаемые сегодня интеграционные идеи, призывающие к объединению по религиозным, национальным, партийным, социально-классовым признакам, неизбежно подпитывают центробежные тенденции. Различные «пан-измы» (пантюркизм, панславизм) выделяют народы по отдельно взятому признаку, игнорируя при этом общность и переплетённость по множеству других.

Современная евразийская концепция строится на общеметодологических принципах полицентризма и мультилинейности социально-исторического процесса, параллельном сосуществовании и развитии различных цивилизаций, каждая из которых имеет свою логику развития, свою культурную доминанту, собственные ценности, цели и приоритеты.

В соответствии с этим определением Евразия, представляющая собой особую географическую, этническую, культурно-историческую целостность, может быть классифицирована как культурно-историческая система или цивилизация. Евразийская цивилизация – одна из культурно-исторических систем, сложившаяся в ходе более чем тысячелетнего опыта взаимодействия народов, населяющих «средний континент».

Каждая из современных цивилизаций не только сама является системой, но и представляет собой элемент другой системы: всего множества цивилизаций, существующих на планете. По мере развития и роста сложности цивилизаций растёт их взаимосвязь и взаимозависимость, происходит унификация ряда их особенностей, прежде всего технологических, не затрагивающая в то же время консервативных базовых составляющих или социокультурных кодов каждой из цивилизаций. *Взаимосвязь и одновременно дивергенция современных цивилизаций существуют в единстве, в соответствии с законами самоорганизации систем.*

Евразийская концепция направлена на развенчание порочной концептуальной составляющей, закладываемой в деятельность современных российских реформаторов, согласно которой Россия вписывается в западнцентристскую линейную схему социально-исторического процесса, где все народы и культуры выстроены последо-

вательно, как ступени единой лестницы, от «низших» к «высшим». На вершине лестницы в качестве образца для подражания находится цивилизация западная. Таким образом, господствовавшая в советский период линейная формационная концепция с единой для всего мира коммунистической перспективой негласно заменена в России другой, тоже линейной западнцентристской концепцией с ориентацией на построение общества по западным образцам.

Идея евразийства подчеркивает значимость развития национальных культур, уникальность и неповторимость каждой нации и народа, роль в жизни народа собственной высшей национальной идеи и самостоятельного неподражательного развития. Отсутствие подражательности вовсе не означает отторжения того культурного богатства, которое было наработано другими народами за всю историю их существования. Знакомство с вершинами духовного наследия других народов и их усвоение раздвигает культурные горизонты, обогащает интеллект и является фоном, на котором развиваются собственные национальные культуры. Это чрезвычайно важно, поскольку национальная культура всегда выполняет ответственную социальную функцию: через культуру, традиции, обеспечивается межпоколенческая связь времен, цементирующая единую общность.

Различия между культурами в духовной сфере гораздо более глубоки, чем в сфере материальной, в материальных потребностях люди достаточно общи. Поэтому, если предположить возможность существования однородной общечеловеческой культуры, то она будет сведена к удовлетворению чисто материальных потребностей при игнорировании или примитивизации потребностей духовных, к навязыванию всему пестрому этнокультурному многообразию стандартов и стереотипов массовой культуры. Культура же, опирающаяся на национальный принцип, способна стимулировать духовно возвышающие человека ценности.

Если к развитию культур применить принципы общей теории систем, то на них можно распространить тезис о том, что жизнеспособной и успешно функционирующей может быть лишь система достаточно сложная. Унифицированная «общечеловеческая культура» и на ее базе «общечеловеческая цивилизация» возможны лишь при предельном упрощении системы, происходящем за счет уничтожения национальных культур. Предел упрощения системы – ее разрушение, гибель. Наоборот, система, обладающая значительным числом элементов, имеющих единые функции, жизнеспособна и перспективна в своем развитии. В нашем контексте примером такой системы служит цивилизация, где в общую «радужную сеть» сплетены многие национальные культуры, где обеспечивается *единство в многообразии*.

Важнейшим условием жизнеспособности евразийской идеи является сдвиг в самосознании людей в сторону понимания ими своей исторически определенной функции в жизни органического целого – Евразии, формирование **двойной идентичности**: собственно национальной и общеевразийской. Евразийская идентичность или общеевразийский национализм способны на социальном и социально-психологическом уровнях цементировать единство народов Евразии.

Евразийская идентичность не возникает сама собой. Установка «наши» или «мы такие-то, а все прочие – другие» формируется постепенно при долгой совместной культурной работе интеллигенции всех евразийских государств, при особой направленности государственной политики, вырабатывающей иерархию приоритетов, стратегических интересов и целей, при активизации экономического и социального взаимодействия в евразийских рамках, при создании единых надгосударственных структур, решающих общие задачи. Мы отдаем себе отчет в том, что **формирование евразийской идентичности и интеграция евразийских народов сегодня в период крайней нестабильности на всем Евразийском пространстве может восприниматься только как тенденция, которая непременно проявится, но, возможно, лишь в далекой перспективе.**

Столь крупные культурно-исторические системы как цивилизации очень трудно научно описать или социологически измерить. Например, по мнению ряда французских ученых, чтобы измерить одну из современных цивилизаций, необходимо использовать 50 млн индикаторов. Вполне понятно, что такая система индикаторов вряд ли может быть использована на практике. Поэтому необходимо искать нестандартные методы и способы научного описания и измерения цивилизаций. Например, в рамках своеобразного семиотического подхода поиском символов, знаков, выражающих «физиогномию» культур занимался К. Леви-Стросс, воспринимавший цивилизации как «ансамбли символических систем». Его понимание термина «символ» близко термину «социально-культурный код». Символы или коды не обязательно должны объяснять каждый элемент цивилизационной структуры. Они как бы передают ее общий колорит. В «символические системы» Леви-Стросс в первую очередь включал язык, традиции, ритуалы, нормы супружеских отношений, экономические отношения, искусство, науку, религию. В содержании социально-культурных кодов в заархивированном, сжатом виде заключены основные характеристики цивилизации, определяющие ее «лицо», ее ценности, способы поведения, мышление и т. д. При этом многие коды, взятые в отдельности, могут присутствовать и в других цивилизациях. Но именно их единение, ансамбль, а не просто

сумма, отражают уникальность каждой цивилизации и еще раз иллюстрируют тезис о несводимости целого к сумме его частей. Описание цивилизаций при помощи социально-культурных кодов – крайне сложная и неразработанная проблематика. Поскольку наука на этом пути пока делает лишь первые шаги, любое продвижение в этом направлении должно приветствоваться.

Своеобразие евразийской цивилизации и в особенности России как ее ядра и сердцевинной части – можно, на наш взгляд, определить сочетанием следующих базовых составляющих или социально-культурных кодов.

- *Усвоение Византийского наследия.* Россия – единственная прямая наследница Византии, ставшая после ее гибели носительницей православной миссии. Византийское наследие не исчерпывается только религиозным влиянием. В течение всего тысячелетнего существования Византийской империи экономическое, культурное, политическое взаимодействие двух государств было развитым и взаимосторонним. Византия была классическим евразийским государством, существовавшим на перепутье Востока и Запада, на перекрестке экономических и торговых артерий. Евразийская суть Византийской империи заключалась в том, что там никогда не относились предвзято к людям, принадлежавшим к народам Азии, что было характерно для западных обществ.

В Византии каждый, исповедующий христианство, независимо от национальности, мог занять любой пост и достичь высшего признания: так император Лев III Великий (VIII век) был сирийцем, Роман I Лакапин (X век) – армянином, а патриарх Константинопольский Филофей (XIV век) – евреем. То же характерно и для России. Здесь в X веке в походах князя Игоря принимали участие помимо русов и европейцы-скандинавы, и азиаты-печенеги. Среди высших лиц русского государства были люди разных национальностей. Россия, как и Восточная Римская империя, стала связующим звеном между Востоком и Западом. *Евразийство в России – естественно сложившееся качество, исключаящее какое-либо высокомерие русского национального самосознания в отношении других народов. По самому своему определению, русские изначально были евразийским народом, способным вступить в органическое взаимодействие и с европейскими, и с азиатскими этносами, которые, в свою очередь, если они действительно вступали во взаимодействие с русскими – сами обретали евразийские черты. В случае же прекращения этого взаимодействия они опять становились в конечном счете либо чисто европейскими, либо чисто азиатскими народами.* Новейшей иллюстрацией к этому явилось разделение народов после распада Советского Союза.

- *Национальная терпимость*, основанная на евразийской природе народов, – особенность, неразрывно связанная с предыдущей. Россия, вобравшая в себя племена и народности, сохранила их столько же, сколько получила. На территории России сохранены даже те этнические образования, которые на протяжении всей своей истории по численности не превышали нескольких тысяч или даже несколько сотен человек (тофалаты, удэгейцы). В современных переписях населения фиксируется 176 наций и народностей. Многие народы именно при поддержке русского обрели свою письменность, науку, интеллигенцию, получили свою государственность.

В противоположность России, на Западе, например, племена, подвергшиеся германскому завоеванию со времен эпохи Карла Великого и первых Каролингов (славяне: лютичи, поморяне, сорбы, абодриты, гевелы и др.), были либо уничтожены, либо полностью денационализированы. Они были принудительно крещены в католицизм и германизированы. Сейчас население Германии, поглотившей в прошлом множество племен и народов, доведено до всегерманской однородности. В Германии уже не найти не только перечисленные народы, но даже и пруссов – балтский народ, населявший Пруссию – большую часть Германии. Точно также в Великобритании не существуют уже бритты, во Франции больше нет гасконцев и т. д.

- *Веротерпимость*. История православия знает лишь единичные примеры мучеников за веру или кровавого преследования ересей. Распространение православия, в отличие от насаждавшегося огнем и мечом католицизма, шло без насилия, поэтому оно шло медленно. Этим объясняется и длительное сосуществование двоеверия: христианства и язычества. Отличительной особенностью православия было то, что оно не провозглашало племенной исключительности русичей. Именно поэтому оно смогло собрать под свою защиту тысячи выходцев из других народов, принявших православное крещение, и сцементировать тот монолит, которым стало Российское государство в свои средние века.

- *Духовность*. Для России характерен особый духовный склад, отличающийся преобладанием *сердца* над *волей*, *созерцания* над анализом, *совести* над рассудком, расчетливостью и практической трезвостью, *свободы и воли* над властью и принуждением, *сострадания* над личной выгодой и корыстью. Эти черты, в своей совокупности непостижимые для представителей других цивилизаций, обусловили особую духовную глубину, нашедшую отражение в нашей музыке, живописи, литературе, культуре в целом и породили тот особый феномен, который называется «загадкой русской души».

- *Коллективизм*. Доминирование коллективизма как ценности подтверждается всеми межстрановыми сравнительными исследова-

ниями. Вся история развития евразийской цивилизации – это история выживания народов в суровых природно-климатических условиях. Освоение огромных необжитых пространств, защита рубежей, жизненная необходимость во взаимопомощи, в коллективном труде – сформировали общинность, коллективизм как отличительную черту менталитета.

- *Русский язык.* Духовной связующей инстанцией в рамках евразийской цивилизации является русский язык, при помощи которого осуществляется межнациональное общение. Через русский язык евразийские народы получают доступ к достижениям мировой культуры, он же позволяет раздвинуть узкие региональные культурные рамки до масштабов всей евразийской цивилизации.

- *Русское основание евразийской цивилизации.* Уникальной чертой, отличающей евразийскую цивилизацию от других, является наличие в ней народа, сыгравшего *интегрирующую роль*, явившегося центром культурного притяжения не только для славянских, но и тюркских, финно-угорских и других народов. В отличие от американского «плавильного котла», нивелировавшего национальные влияния иммиграционных потоков, в Евразии, по крайней мере с XV века и до сегодняшнего дня, русское основание сохраняет цементирующие функции и, по мнению ряда ученых (М. П. Мchedлов), русский народ в цивилизационном аспекте «выступает в большей мере общероссийским началом, чем сугубо этническим»⁷.

Существующее отличие базовых характеристик евразийской цивилизации от, например, характеристик западной цивилизации свидетельствует о том, что диалог их культур разумен лишь при условии умеренного взаимодействия, никогда не достигающего полного синтеза. Если же культуры полностью открыты навстречу друг другу, они утрачивают определенность, теряют свое «лицо». Искажение собственных социокультурных кодов в результате, например, неумеренного культурного заимствования, нарушает внутрисистемный детерминизм ценностей, их гармонию и структурный баланс и приводит в конечном итоге к деградации и разрушению цивилизации.

Суть современной евразийской концепции можно свести к нескольким взаимосвязанным тезисам.

1. *Оценка исторического процесса как мультилинейного, отрицание возможности существования единой для всего мира линии социально-исторического развития, единой унифицированной общечеловеческой цивилизации и единой культуры.*

---

⁷ Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты. - М., 1998. - С. 14.

2. Восприятие Евразии как особой географической, социально-исторической и социально-культурной целостности, как уникальной Евразийской цивилизации.

3. Подтверждение объективной предрасположенности евразийских народов к различным формам интеграции.

4. Признание единственно перспективным для Евразии самостоятельного, неподражательного развития, опирающегося на национально-культурные традиции, ценности и опыт многовекового взаимодействия евразийских народов, дополненные технической и технологической модернизацией. Модернизация без вестернизации (или то, что Н. Я. Данилевский выразил формулой: «своя идеология, неважно, чья техника и технология»).

5. Синтез национальной идентичности каждого отдельного народа Евразии с общеевразийской идентичностью.

Современная евразийская концепция подчеркивает значение силы, способной в столкновениях с другими цивилизациями отстоять собственное национально-культурное бытие. Выживают и приобретают историческое значение только те культурно-исторические системы, которые оказываются способными противостоять военно-политическим и культурным экспансиям других цивилизаций. Расшатывание стабильности в таком регионе, как Евразия, чревато нарушением мирового цивилизационного баланса и тем самым угрожает всему человечеству.

Для России и других евразийских государств сегодня сохраняется альтернатива: *реинтеграция* в рамках евразийской цивилизации, а значит, обретение силы, возвращение на прерванный собственный путь социально-исторического развития, – или же рассредоточение, распыление, превращение, как выразился русский философ Иван Ильин, в «исторический навоз», в питательную среду для других более активных цивилизаций.

Многие теоретические и практические проблемы социального, экономического, политического взаимодействия в рамках евразийской цивилизации нуждаются сегодня в дополнительном исследовании с учетом новых изменившихся реалий. К их числу можно отнести следующие.

Концептуальное обоснование мировой социально-исторической динамики. Многополярность мира и диалог цивилизаций. Теоретико-методологическое обоснование идеи полицентризма и многолинейности мировой социально-исторической динамики. Концепция развития России в рамках цивилизационной парадигмы. Западноцентристские концепции мирового развития и последствия их распространения на Россию и другие страны Евразии.

Трансдисциплинарные исследования в рамках цивилизационной парадигмы. Рассмотрение цивилизации в качестве единицы анализа социально-исторического процесса предполагает системное видение, вынуждающее исследователя выходить за пределы узких дисциплинарных границ: отдельные социальные науки, находясь в рамках своих предметных областей, не могут охватить единым взором явления и процессы, свойственные цивилизациям. Их изучение возможно только при трансдисциплинарном подходе с позиций единой науки об обществе. С призывом к созданию такой «исторической социальной науки» обратился к научному сообществу И. Валлерштайн. По его мнению, мы живем «в длительном моменте перехода», когда противоречия той исторической системы, в которой сформировались все известные нам науки об обществе, «сделали невозможным дальнейшее приспособление к ней». Мы живем в период реального исторического выбора. И «период перехода» нельзя понять на основе положений, сложившихся в этой трансформирующейся исторической системе⁸.

Современные процессы глобализации. Конвергенция и дивергенция цивилизаций и культур. Исследование роста взаимовлияния и взаимозависимости цивилизаций в современном мире. Экологический императив как основа выживания для будущего глобального Человечества. Принципиальные противоречия между реальными последствиями глобализации, наблюдающимися в масштабах планеты, и стремлением Запада создать во всем мире «единую» или «универсальную цивилизацию» со своими ценностями и диктатом в экономике и политике, с насаждением образцов массовой культуры.

Вызовы и угрозы XXI века и их влияние на развитие Евразийской цивилизации.

1. Нарушение экологического равновесия.
2. Депопуляция и демографический кризис.
3. Духовно-нравственный кризис.
4. Сырьевые ресурсы и доходы от реализации национальных богатств.
5. Новейшие технологии и социальные проблемы информатизации.
6. Власть и ключевые проблемы управления.
7. Поляризация общества и социальная солидарность и др.

⁸ Социология на пороге XXI века. Новые направления исследования. - М., 1998. - С. 146.

III. Социально-политические и социально-культурные процессы евразийской интеграции: теоретико-методологические проблемы исследования

Современный мир если чем-то отличается от прежних времён, то хотя он и стал более открытым, прозрачным, взаимосвязанным, но вовсе не делается при этом доступнее, проще, понятнее, гуманнее и безопаснее. Наоборот, он становится всё более многообразным и противоречивым, неоднозначным и неопределённым, турбулентным, а потому всё более жёстким, уязвимым и опасным.

Процессы становления новой социальной реальности подтверждают существующие прогнозы о том, что вызовы и угрозы, опасности и риски в этом мире, острота проблем и кризисов будут не просто возрастать, а возрастать по экспоненте. Не случайно поэтому в подобных условиях очень быстро и коренным образом изменяющегося мира практически все страны, все народы сталкиваются в той или иной форме с необходимостью сохранения своей **идентичности**, а также поиска **новой стратегии развития**. Решение этих поистине исторических задач требует ответа, с нашей точки зрения, по крайней мере на два основных вопроса.

1. В **каком социуме** мы сегодня живём?

2. Какими **способами**, на какой реальной **основе** и в каком **направлении** мы должны изменяться и развиваться, чтобы быть **адекватными** вызовам **новой социальной реальности**?

Ответ на первый вопрос даёт современная наука: мы сегодня живём в *сложном мире и обществе в узком смысле слова*, что означает – и мир, и общество перешли определённый порог динамической сложности в своем развитии и стали качественно иными – **сложными**. Такой вывод теории сложных систем соответствует постулату «*стрелы времени*», обоснованному Нобелевским лауреатом И. Р. Пригожиным, о том, что имеет место *саморазвитие материи*,

ускорение и углубление динамики этого процесса. Сказанное относится не только к неорганическому и органическому мирам, но и к человеческим сообществам⁹, которые в настоящее время представляют собой *многообразную совокупность сложных социальных систем*. Они призваны выполнять общие функции *целеполагания, самоорганизации и самоизменения, открытости и самодостаточности, субъектности, т. е. понимания происходящего и социального действия в направлении своего развития*¹⁰.

При этом проявляется одна из самых существенных особенностей процессов сохранения, изменения и развития сложных социальных систем: любая из них имеет по каждому жизненно важному параметру свою *энтропийную* границу, переход за которую означает гибель рассматриваемой системы как единого целого¹¹.

Академик Н. Н. Моисеев ещё лет пятнадцать назад, исходя из результатов своего фундаментального исследования, основанного на синтезе естественнонаучного и социально-гуманитарного знаний, пришёл к следующему выводу относительно современного состояния человечества: постепенно мы начинаем понимать – общество стоит сейчас на пороге катастрофы, требующей перестройки всех оснований своего планетарного бытия. Может быть, даже на пороге нового этапа антропогенеза... И мы только подходим к пониманию того, что человечество уже исчерпало тот потенциал своего развития, который оно получило при завершении предыдущего этапа антропогенеза¹². В итоге среди многих актуальных и острых проблем жизнедеятельности современного мирового сообщества Н. Н. Моисеев выдвигает в качестве центральной, главной и общесистемной **проблему соответствия (когерентности)** существующих ныне форм и способов общественной жизни масштабам и глубине, необыкновенно ускоряющимся темпам и динамике глобальных изменений, происходящих в мире. В связи с этим становится естественным искать ответ на *основной вопрос нашего времени*: «Возможно ли преодоление пропасти между необходимостью подчинить свое поведение *требованиям реальности и реальными способностями человека и человечества* подчинить себя этим ограничениям?»¹³.

Речь при такой постановке вопроса, следовательно, идёт не только о необходимости смены очередного этапа движения истории, в ос-

⁹ См. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. - М., 2001.

¹⁰ Н. Винер был одним из первых, кто заявил: «Мы столь радикально изменили свою среду, что теперь для того, чтобы существовать в этой среде, мы должны изменить себя» (*Винер Н.* Кибернетика и общество. - М., 1958. - С. 58).

¹¹ См. *Горский Ю. М.* Хаос, управление, конкуренция. - Якутск, 1991. - С. 22.

¹² *Моисеев Н. Н.* Расставание с простотой. - М., 1998. - С. 13.

¹³ Там же. - С.13.

новном **стихийного и человекозатратного** по своему характеру, а о формировании нового типа цивилизационного развития – *само-регулируемой природно-социально-культурной коэволюции*, которая требует не только новой социально-экономической и социально-политической организации общества, но и иной культуры мышления и деятельности человека, основанной на принципах социального и индивидуального творчества, креативности и самоорганизации.

События, происходящие в новом тысячелетии в мире, начали не только выдвигать современные вызовы и требования, но и жёстко диктовать необходимость осмысления, разработки и реализации новых подходов к определению места и роли России в мировом сообществе, иной стратегии развития страны как в рамках общего и внутреннего пространств в целом, так и в рамках единого евразийского пространства, в частности.

Разумеется, диктуемые жизнью необходимые изменения и в мире, и в России идут и сегодня, но идут весьма мучительно, болезненно, низкими темпами, с огромными потерями, не решая старые и порождая новые проблемы, причины и характер которых уже нельзя сегодня отождествлять со стихийными природными катаклизмами. Корень этих проблем, по мнению российского руководства, – в накопившихся **дисбалансах**.

«Зашла в тупик модель, – отмечает Президент РФ, – построенная на безудержном наращивании заимствований, на жизни в долг и проедании будущего, на *виртуальных, а не реальных ценностях и активах*. Фальшивые сущности, игра в «пустышки» появляются не только в экономике, но и в политике, социальной сфере. Здесь также возникают своего рода иллюзорные «дериваты». Кризис проявил одну опасную, чисто политическую тенденцию: к безоглядному, популистскому наращиванию социальных обязательств государства – вне всякой связи с ростом производительности труда, к формированию в отдельных слоях населения этих стран социальной безответственности»¹⁴.

В более глубоком долгосрочном смысле нынешние проблемы носят вовсе не конъюнктурный характер, заключает Президент. По большому счёту, то, с чем сегодня сталкивается мир, – это серьёзный системный кризис, тектонический процесс глобальной трансформации. Это зримое проявление перехода в новую культурную, экономическую, технологическую, геополитическую эпоху.

Ближайшей задачей в подобных обстоятельствах явилось восстановление **реального единства страны**, иными словами, установление на всей её территории суверенитета российского народа, а не

---

¹⁴ Известия. - 2012. - 16 января. - С. 1.

господства отдельных лиц или групп. В результате страна выстояла перед ударами глобального кризиса. Период восстановления пройден.

Задача на предстоящие годы видится в том, чтобы завершить создание в России такой политической системы, такой структуры социальных гарантий и защиты граждан, такой модели экономики, которые вместе составят *единый, живой, постоянно развивающийся* и одновременно *устойчивый и стабильный, здоровый государственный организм*. Способный, безусловно, гарантировать суверенитет России и процветание нашей великой державы на десятилетия вперед. Отстоять справедливость и достоинство каждого человека. Правду и доверие в отношениях государства и общества¹⁵.

Какой видит сегодня политическое руководство страны *новую стратегию развития России* на перспективу, в целом?

Во-первых, России необходимо *национальное самоопределение*. В этом смысле вопрос обретения и укрепления *национальной идентичности* действительно носит для России фундаментальный характер. Многие корни острых проблем, с которыми мы сталкиваемся, – последствия национальных катастроф XX века, когда мы дважды пережили распад нашей государственности, в результате чего получили разрушительный удар по *культурному и духовному коду нации*, столкнулись с разрывом традиций и единства истории, с деморализацией общества, с дефицитом взаимного доверия и ответственности.

Во-вторых, стало ясно, что новая национальная идея и новая национальная идеология не рождаются сами по себе, не развиваются по рыночным правилам, не могут быть навязаны сверху или построены на основе идеологической монополии. Самоустроение государства, общества не сработало так же, как и механическое копирование чужого опыта. Необходимо историческое творчество, синтез лучшего национального опыта и идей, осмысление наших культурных, духовных, политических традиций с разных точек зрения... Нам всем, всему обществу предстоит совместно работать над формированием общих целей развития. Начиная же эксплуатировать тему национализма и сепаратизма, мы встаём на путь уничтожения своего генетического кода. По сути, начинаем уничтожать сами себя... Вся наша история без изъятий должна стать частью российской идентичности. Мы должны залечить раны, восстановить целостность исторической ткани. Суверенитет, самостоятельность, целостность России – безусловны¹⁶.

В-третьих, ещё один серьёзный вызов российской идентичности связан с событиями, которые происходят в мире. Многие евроатлан-

¹⁵ См. там же. - С. 5.

¹⁶ www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma.site.html.

тические страны пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. И эту модель пытаются агрессивно навязывать всем, всему миру, а это прямой путь к деградации и примитивизации, глубокому демографическому и нравственному кризису. Что ещё может быть большим свидетельством морального кризиса человеческого социума, как *не утрата способности к самовоспроизводству*? Россия с теми, кто считает, что ключевые решения должны выработываться на коллективной основе, а не по усмотрению и в интересах отдельных государств либо группы стран; что должно действовать международное право, а не право сильного, не кулачное право, что каждая страна, каждый народ *не исключителен, но уникален и самобытен*, имеет равные права, в том числе право на самостоятельный выбор своего развития. Таков наш *концептуальный взгляд*, он вытекает из нашей собственной исторической судьбы, из роли России в мировой политике. Наша сегодняшняя позиция имеет глубокие исторические корни. При этом у нас накоплен уникальный опыт взаимовлияния, взаимообогащения, взаимного уважения различных культур. Эта *поликультурность, полиэтничность* живёт в нашем историческом сознании, в нашем духе, в нашем историческом коде. На этом естественным образом тысячелетие строилась наша государственность.

Россия, – как образно говорил философ К. Леонтьев, – всегда развивалась как *«цветущая сложность»*, как *государство-цивилизация*, скреплённая русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России. Именно из *модели государства – цивилизации* вытекают особенности нашего государственного устройства. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивая **многообразие в единстве**¹⁷.

Однако идентификация исключительно через этнос, религию в крупнейшем государстве с полиэтничным составом населения, безусловно, невозможно. Формирование именно *гражданской идентичности* на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастность к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями – необходимое условие сохранения единства страны. Как политически, идейно, концептуально будет

---

¹⁷ Там же.

оформлена идеология национального развития – предмет для широких дискуссий..., но в сердце нашей философии должно быть **развитие человека**, развитие моральное, интеллектуальное и физическое... Именно образованные, творческие, физически и духовно здоровые люди, а не природные ресурсы или ядерное оружие, будут главной силой России этого и последующего веков... Не сконцентрировав наши силы на образовании и здоровье людей, на формировании взаимной ответственности власти и каждого гражданина и, наконец, на восстановлении доверия в обществе, мы проиграем в исторической конкуренции. Граждане России должны ощутить себя ответственными хозяевами страны, своего края, своей малой родины, своего имущества, собственности и своей жизни. А лучшая школа гражданственности – это *местное самоуправление и самодеятельные организации граждан*¹⁸.

Говоря о любых реформах, важно не забывать, что очень большой потенциал заложен в конструкцию *российского федерализма*, развивая который, мы должны опираться на собственный исторический опыт, использовать гибкие и разнообразные модели. При этом развитие регионов, их самостоятельность должны работать на создание равных возможностей для всех граждан страны, вне зависимости от их места проживания; на ликвидацию дисбалансов в экономическом и социальном развитии территорий России, а значит, на укрепление **единства страны**¹⁹.

XXI век обещает стать и уже становится веком больших изменений, эпохой формирования *крупных геополитических материков* – финансово-экономических, военно-политических, культурных, цивилизационных. Обобщённый анализ существующих концепций и стратегий развития современного мира – от концепции ноосферы и стратегии формирования постиндустриального информационно-коммуникативного общества знаний и культуры до концепции человеческого развития в целом – даёт основания для выделения в качестве одной из *основных особенностей* происходящего ныне во всех сферах деятельности **интеграционной тенденции** как обладающей наибольшими перспективами в процессе дальнейшего развития цивилизаций.

Налицо тесная связь *интеграционной тенденции с глобализацией*, на фоне развивающихся процессов которой идёт расширение *интеграционных практик* в различных регионах мира с целью, в частности, повышения **социальной эффективности** систем регулирования интеграции. Интеграционные аспекты концепций и стратегий инновационного развития являются сегодня, по сути дела, раз-

¹⁸ Там же.

¹⁹ См. там же.

вёрнутым ответом на вызовы глобализации. В стороне от этих процессов, разумеется, не могут оставаться государства и общества, располагающиеся в пределах евразийского пространства. На авансцену истории призвана выйти Евразия.

29 мая 2014 г. в Астане был подписан Договор о создании Евразийского экономического союза. Ядром этого альянса стали три страны – Россия, Казахстан и Беларусь. Этот документ знаменует новый этап экономической интеграции – с нового, 2015 г. товары, услуги, капиталы и рабочая сила будут свободно перемещаться между странами ЕАЭС, который будет осуществлять согласованную политику и в энергетике, и в транспорте, и в выполнении общих правил таможенно-тарифного регулирования. Президент РФ назвал подписание договора историческим и эпохальным событием. Самый прямой и непосредственный интерес к новому образованию, по его словам, проявляют уже не случайно «ключевые мировые экономические державы».

Исторический путь к этому событию, как известно, был чрезвычайно долог, сложен, драматичен и труден. Различные объединения, которые создавали народы Евразии в течение многовековой истории, способствовали выработке общих обычаев и традиций, стереотипов поведения, формированию определённой **общности** интересов и ценностей. Поэтому с самого начала, по Л. Н. Гумилёву, разделиться в условиях Евразии «значило поставить себя в зависимость от соседей, далеко не всегда бескорыстных и милостивых».

Первые евразийцы определили территориальные контуры Евразии, которые до сих пор уже сторонниками евразийства считаются незыблемыми. Она, по их мнению, простирается от Хингана до Карпат, с юга обрамлена полосой пустынь и неприступных Памира, Тянь-Шаня и Гималаев, а с севера – Ледовитым океаном. С запада её граница проходит по позитивной изотерме января²⁰.

Ещё до нашей эры существовал *Скифский союз*, объединивший Евразию и уступивший впоследствии место *Великому тюркскому каганату*, который существовал в VI–VII веке нашей эры, охватывая земли от Жёлтого моря до Чёрного. На смену *тюркам* пришли из Сибири *монголы во главе с Чингисханом*. Затем, начиная с XV века, инициативу на себя взяла Россия – русские двигались на восток и вышли к Тихому океану. Таким образом, *Российская империя* выступила как бы «наследницей» *Тюркского каганата* и *Монгольского улуса*, а её сменил *Советский Союз*²¹.

²⁰ См. Валовая М. Д. Россия и евразийская интеграция: проблемы и перспективы // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. - 2013. - № 1. - С. 112–113.

²¹ См. там же.

Почему составляющие Россию народы предпочли дарованной революцией независимости Советский Союз? Евразийцы видели объяснение этому именно в *евразийской общности*. Поэтому под фундаментом возрождения Российской империи они понимали, как сейчас принято говорить, ментальные, культурологические факторы, присущие Евразии.

Классическое евразийство, как известно, рождалось как течение русской социально-философской и социально-политической мысли, трактовавшей в качестве геополитической стратегии России сохранение контроля над всеми частями Российской империи. Эта стратегия вовсе не предусматривала появление на евразийском пространстве суверенных государств как равноправных членов мирового сообщества, поскольку опиралась на ярко выраженную имперско-элитарную и религиозную основы.

Невозможно отрицать, вместе с тем, что в евразийском учении содержится немало плодотворных идей и концептов, которые оказались востребованными в современных условиях, когда развал СССР и создание СНГ, с одной стороны, означали конец «имперской» модели объединения, а с другой стороны, возникла необходимость поиска и определения *новой модели интеграции* на основе принципов *добровольности, равноправия и независимости*.

Классическое евразийство в этих условиях как бы обретает второе дыхание, к нему возникает повышенный интерес, поскольку оно, несмотря на всю свою противоречивость, представляет собой сегодня единственный *концептуальный социальный проект*, который способен предложить *реальную позитивную социально-гуманитарную доминанту интеграции*²².

Основой евразийства с самого начала стало различие Европы и Евразии как двух самостоятельных культурно-исторических систем – **целостностей**, имеющих свои особенные характеристики, которые подтверждаются не только географией, но и этнической историей культуры. Принадлежать к Европе – значит принадлежать к романо-германской культуре или западной цивилизации. Огромный субконтинент – зону лесной полосы и Великую степь нельзя относить ни к Западу, ни к Востоку. Это и есть от того и другого отдельная, самостоятельная *целостность*, востоко-запад, или Евразия, главной «частью» которой является Россия²³.

Характерной чертой евразийства на первом этапе был поиск «идеи-правительницы», которая после революции смогла бы при-

²² См. там же.

²³ См. Орлова И. Б. Евразия // Социологическая энциклопедия: В двух т. / Нац. общ.-научн. фонд / Рук. научн. проекта Г. Ю. Семигин. / Главн. ред. В. Н. Иванов. - М.: Мысль, 2003. - Т. 1. - С. 302.

вести Россию к процветанию – в этом состоит главный смысл и содержание всех работ представителей движения. Ими было разработано одно из ведущих направлений в культурологии и историографии XX века, согласно которому «локальная цивилизация» рассматривается основной единицей исторического процесса и отрицается его однолинейная схема, в которой за вершину принималась западная или европейская цивилизация.

Классическое евразийство внесло весьма важный, до сих пор не оценённый полностью вклад в разработку теорий этнического и межкультурного взаимодействия; уровней этнической идентичности; места и роли этноцентризма, патриотизма и национализма; «подражательного» («догоняющего») развития; государства и религии; сохранения и развития национальных культур в жизни народов и др.²⁴.

Главный смысл *современного евразийства* – *концептуальное, теоретико-методологическое обоснование процессов реинтеграции* на постсоветском пространстве, «собрания» временно рассредоточенной евразийской цивилизации; роста её сил и конкурентоспособности во взаимодействии с другими современными цивилизациями. Несмотря на различия в определении черт современного евразийства его объединяет целый ряд общих позиций: 1) оценка исторического процесса как *мультилинейного*, отрицание возможности существования единой для всего мира линии социально-исторического развития, единой западно-ориентированной вертикали; 2) восприятие Евразии как особой географической, социально-исторической и социально-культурной целостности, как уникальной евразийской цивилизации; 3) обоснование объективной предрасположенности евразийских народов к различным формам интеграции; 4) признание наиболее перспективным способом развития для Евразии характер самостоятельного, неподражательного развития, опирающегося на национально-культурные традиции, на ценности и опыт многовекового взаимодействия евразийских народов, дополненные технологической модернизацией; 5) синтез национальной идентичности каждого отдельного народа Евразии с *общеевразийской идентичностью*²⁵.

Каково понимание ныне политическим руководством России *исторического смысла и основных целей* дальнейшего развития процессов евразийской интеграции в целом и создания Евразийского экономического союза, в частности?

Тесная интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе, считает Президент РФ, – это веление времени.

---

²⁴ См. там же. - С. 303.

²⁵ См. там же.

Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом²⁶. В своём выступлении на заседании клуба «Валдай» он говорил о том, что наш абсолютный приоритет – это тесная интеграция с соседями. Евразийский экономический союз – это не просто набор взаимовыгодных соглашений. Евразийский союз – это проект сохранения идентичности народов, исторического Евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция – это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития, а не периферии для Европы или для Азии ... Евразийская интеграция также будет строиться на **принципе многообразия**. Это единение, в котором каждый сохранит своё лицо, свою самобытность и политическую субъектность. Вместе с партнёрами будем последовательно, шаг за шагом реализовывать этот проект. И мы рассчитываем, что он станет нашим общим вкладом в сохранение многообразия и устойчивости мирового развития...

Упрочив свою национальную самобытность, укрепив свои корни, оставаясь открытыми и восприимчивыми к лучшим идеям и практикам Востока и Запада, мы должны и будем идти вперёд²⁷.

Необходимость идти вперёд, разумеется, не вызывает никаких сомнений. Однако, если нас призывают к согласию и сплочению, к консолидации и зовут идти всем вместе – Россия, вперёд!, то хотелось бы знать поточнее и обоснованнее: куда идти, зачем, каким образом и во имя чего? Говоря словами опять-таки Президента страны, важен ответ на вопрос: *что делать-то будем?* Его тревожит, что у нас практически не происходит обсуждения того, что надо делать за рамками выборов, после выборов. Это не отвечает интересам страны, качеству развития нашего общества, уровню его образования и ответственности. Российские граждане должны получить возможность обсуждать именно *содержание политики*, те *программы*, которые намерены осуществлять те или иные политические деятели. *Вызовы и задачи*, которые должны быть в центре внимания этих программ. Как мы сможем улучшить нашу жизнь, сделать более *справедливым* общественное устройство. Какой *вектор* экономического и социального развития предпочтём. Нужен широкий диалог – *о будущем, о приоритетах, о долгосрочном выборе, о национальном развитии и национальных перспективах*²⁸.

²⁶ Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. - 2011. - 3 октября.

²⁷ www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma.site.html.

²⁸ См. Известия. - 2012. - 16 января.

Одной из таких поистине судьбоносных для России проблем, оптимальное и эффективное решение которой становится возможным на любом уровне лишь на *адекватной методологической основе*, несомненно, является, кроме проблемы реальной *социально-культурной идентификации* страны, проблема Евразийской интеграции.

В современный период уже накоплен определённый исторический опыт решения этой проблемы как позитивного, так и негативного (а подчас и весьма драматического) характера. Известно, например, какую страшную цену мир заплатил за возрождение европейского единства. Но XX век, ставший апогеем кровавых конфликтов, войн и междоусобиц, в то же самое время положил конец европейским раздорам. Как это ни парадоксально, сегодняшний системный кризис кроме своих явно негативных последствий имеет положительный эффект: он способствует евразийской интеграции, без которой безопасность России весьма уязвима. Во многом «благодаря» кризису впервые после распада СССР такие страны, как Россия, Беларусь и Казахстан передали часть своих государственных полномочий наднациональным органам – Таможенному союзу, Евразийской экономической комиссии и приняли решение о создании Евразийского союза.

Евразия – самый крупный и богатый регион мира. В современных условиях усиления борьбы за господство и власть, территории и ресурсы, ни Россия, ни какое-либо другое независимое государство не смогут в одиночку противостоять внешнему давлению, прямой или косвенной агрессии, жёсткой или «мягкой силе». Тем более, что крупнейшей геополитической катастрофой прошлого века стал развал СССР, существенным образом изменивший структуру самого евразийского пространства, где на протяжении истории происходили важнейшие планетарные социально-политические, экономические и культурные трансформации. Не случайно, оценивая их, З. Бжезинский в своей известной книге «Великая шахматная доска» писал, что «это было похоже на то, как если бы центральную и важную в геополитическом смысле часть суши стёрли с лица земли». Он назвал Евразию «главным геополитическим призом для Америки», особо отмечая, что «глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться её превосходство на Евразийском континенте»²⁹. Что касается современной России, то З. Бжезинский считал её искусственным и неустойчивым образованием и предрекал ей неизбежный распад.

«Европейская шахматная доска. Новая «холодная война» США против России» – под таким названием в ФРГ в 2012 г. был опубли-

---

²⁹ Бжезинский З. Великая шахматная доска. - М., 2001. - С. 108–109.

кован фундаментальный труд Бернхарда Роде, насчитывающий 1 245 страниц текста, к которому прилагаются 4 885 сносок на различные источники³⁰. Этот труд даёт глубокое развёрнутое представление об особенностях становления и развития геополитической экспансии США с XIX века до наших дней. Но в центре внимания автора – рассмотрение движущих целей, пружин и результативности американской стратегии и политики в отношении России. О направлении и содержании исследования Роде можно судить по названиям основных глав книги: «Первая “холодная война” США против Советского Союза – борьба за контроль над Евразией»; «Эра Рейгана – стремление добиться падения Советского Союза»; «Скрытая роль США в процессе разрушения Советского Союза»; «Российская политика США в девяностые годы»; «Продолжение американской стратегии дестабилизации России в правление Владимира Путина»; «Новый проект США – военное окружение России: противоракетная программа и грузинская война»; «Основы американской евразийской стратегии при Бараке Обаме».

В первой «холодной войне», пишет автор, основной целью американской стратегии политики борьбы за контроль над Евразией было ни в коем случае не допустить «сохранения статус-кво Советского Союза», а содействовать его «социально-политическому преобразованию», т. е. устранить в стране социализм, толкнуть её на путь капитализма и вовлечь в провозглашённый Бушем «новый мировой порядок» под верховенством США. Для осуществления этой цели американская правящая элита остановила свой выбор на Б. Ельцине, который и стал «непосредственным могильщиком Советского Союза» (S. 432–433). Без Ельцина и его политики была бы немыслима ситуация 1989–1991 гг., в результате которой произошло расчленение, анархизация и паралич евразийского блока.

После разрушения Советского Союза правящие круги США начали, по мнению автора, новую «холодную войну», уже против России. С помощью этой войны «удалось навязать проатлантический, антироссийский курс и Европейскому союзу». Этот курс включал в себя «продолжение стратегии «мягких государственных переворотов», как это было в Украине, Грузии и Киргизии». То же самое должно было произойти и в России с целью привести к власти силы, способные сохранить то положение страны, в котором она находилась в эру Ельцина (S. 903).

---

³⁰ Rode B. Das Europäische Schachobrett. Amerikas neuer Kalter Krieg gegen Rusland. Hohen rain Tübingen. - 2012; Дашичев В. И. Европейская шахматная доска. Новая холодная война США против России // Социально-гуманитарные знания. - 2013. - № 6. - С. 241–243.

Особое место в научном исследовании Роде отведено раскрытию *мотивов* и *методов* антироссийской политики США именно в новой «холодной войне». Речь идёт при этом не только о превращении России в вассала США, но и об овладении доступом к её природным и, в первую очередь, энергетическим ресурсам. Достижение этих целей предполагается осуществить с помощью «стратегии не-прямых действий», т. е. без применения военной силы и занятия территории.

Оценивая перспективы политики и стратегии глобального господства США, составной частью которых является их антироссийский курс, Роде приходит к выводу, что эта политика и стратегия неизбежно закончатся провалом, все признаки чего налицо. Однополярный мир уже стал многополярным. Доля США в мировой экономике сократилась с 50 % в 1945 г. до 25 % в 2008 г. «Имперское перенапряжение» стало непосильной ношей даже для такой могущественной страны, как США.

Роде заканчивает свою книгу словами: «Следовательно, всякое стремление к господству таит в себе зародыш своего собственного поражения» (S. 1116)³¹.

Таким образом, рассуждая ныне о *новом евразийском интеграционном проекте*, необходимо помнить, что США, Запад в целом всегда будут, как и ранее, активно противодействовать всем попыткам консолидации и интеграции евразийского пространства под эгидой России.

Суть дела состоит в том, что альфой и омегой интеграции западного типа была и остаётся идея максимизации прибыли и минимизации издержек, создание легко манипулируемого и управляемого общества потребления. Именно ради этой цели были разрушены Советский Союз и социалистическая система как альтернатива капитализму, разрабатывались и внедрялись всевозможные «пределы роста», «постиндустриальное развитие», «эффективный менеджмент», Болонская система, реформа РАН и т. п. Однако и после развала СССР и внедрения вирусов деструкции на постсоветском пространстве, а шире – на постсоциалистическом, Запад во главе с США не утратил интереса к проектированию истории, деструкции России и её цивилизационного пространства³².

Не секрет, что самым важным результатом консолидации и интеграции³³ в современном понимании Запада является формирова-

³¹ См. Дашичев В. И. - С. 243.

³² Пономарёва Е., Рудов Г. Евразийская интеграция и цивилизационное пространство России // Обозреватель – Observer. - 2013. - Сентябрь. - С. 25.

³³ Консолидация (лат. consocio, consociavi, consociatum – соединять, объединять, делать общим; привлекать к союзу; присоединять к чьей-либо политике). *Интегра-*

ние *новой социально-политической общности* через постепенное отмирание, размывание, преодоление *суверенитетов* государств – членов интеграционного проекта. При этом межгосударственные отношения должны быть перестроены таким образом, чтобы вместо «**вертикальной**» территориальной замкнутости созданы действенные «**горизонтальные**» структуры, администрация которых была бы призвана координировать межгосударственное сотрудничество в конкретных сферах³⁴. Реализация такого проекта предполагает глобальные изменения международной среды, «благодаря которым солдаты и дипломаты уступят место администраторам и техникам, отношения между канцеляриями – прямым контактом между техническими администрациями, а защита суверенитетов – прагматическому решению конкретных вопросов»³⁵.

На практике эта идея, высказанная Д. Митрани в 1946 г.³⁶, была реализована в Европейском союзе. В этом проекте государства – члены союза передают определённую часть своих классических полномочий «горизонтальным институтам», а точнее – *евробюрократии*, которая является проводником интересов не народов стран – членов ЕС, а международного финансового капитала и ТНК.

Новый российский интеграционный проект для Евразии – это глобальная заявка на самостоятельную, конструктивную позицию в мире, на создание иной, основанной не на принципах атлантизма и неолиберализма социально-экономической, социально-политической и социально-культурной системы. Этот геополитический проект в отличие от западного – не проект потребительского общества, нацеленного на возвращение «квалифицированного потребителя», способного умело пользоваться результатами деятельности других. Проект Евразийской интеграции сегодня призван, может и должен быть основан на *антиэксплуататорском мировоззрении*, на *социально-культурной миссии*. Причём, двойной миссии, ибо, сохранив себя как *противоречие и альтернативу* Западу с его политикой «управляемого хаоса на пространствах Евразии», он будет по мере своей реализации способствовать развитию различных общественных систем, а значит, утверждению многообразия и уникальности всего мира в целом.

Весьма характерно, что мишенью Запада на пространстве Евразии является не столько какая-либо из конкретных идеологий раз-

---

ция (лат. *integro, integravi, integratum* – приводить в прежнее состояние, восстанавливать; возобновлять, начинать снова).

³⁴ *Mitrany D. A Working Peace System.* - L., 1946; *Цыганков П. А.* Теория международных отношений. - М.: Гардарики, 2003. - С. 460.

³⁵ См. там же.

³⁶ См. там же.

вития того или иного проекта, осуществляемого Россией, сколько сама *российская проектность* как таковая³⁷. В то же время непонимание, равно как и игнорирование, *проектного характера всемирно-исторического процесса* ведёт либо к глубоко ошибочному видению России только как части Европы, либо в западных проектах России нет места вообще, либо предполагается её расчленение или низведение до уровня сырьевого придатка³⁸.

Между тем потребность в консолидации и интеграции своего цивилизационного пространства, а значит, в формировании и реализации собственного глобального проекта для России естественна и объективна. Хотя осознание этого пришло спустя двадцатилетие тяжелейших социально-экономических и политических потрясений, демографических катастроф и трагедий, сегодня Россия становится ведущим мировым игроком и стремится к объединению Евразии, опираясь на экономический прагматизм и добровольность интеграции, на **принципы** равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга, уважения суверенитета и неприкосновенности государственных границ; консенсуса и учёта интересов каждой страны-участницы; наделения наднациональных органов чёткими и реальными полномочиями.

Для проектирования и осуществления столь масштабных процессов в истории, каковыми ныне выступают экономические, социально-политические и культурные процессы Евразийской интеграции, необходимы определённые **объективные основания**. И они у России есть и заключаются: в самой большой и богатой ресурсами территории мира; выгодном пространственном положении; особом культурно-цивилизированном коде, культуре, религии; в выдающихся научных достижениях; успешном опыте создания сверхсложных технических и социальных систем; в опыте переустройства мировой социально-экономической системы и в практике системного антикапитализма и др.³⁹. Следовательно, именно Россия, являясь одним из геополитических центров Евразии, обладающая самыми мощными на постсоветском пространстве экономическими, военными, политическими, информационными и психолого-волевыми ресурсами, может и должна стать центром, ядром новой архитектоники мира⁴⁰.

Успешная реализация нового заявленного евразийского интеграционного проекта, ставшего стратегическим направлением внеш-

³⁷ Павленко В. Б. Мифы «устойчивого развития». «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот? М.: ОГИ, 2011. - С. 40, 42–43.

³⁸ Пономарёва Е., Рудов Г. Евразийская интеграция и цивилизационное пространство России. - С. 25–26.

³⁹ См. там же. - С. 24.

⁴⁰ Русским образование не нужно! // <http://bosonogoe.ru/brog/1964.html>.

ней политики России, оказывается возможной лишь при конструктивном, последовательном и комплексном использовании всех взаимосвязанных предпосылок, условий и факторов. Разумеется, что при этом речь вовсе не идёт о реставрации разрушенного СССР, о чём проявляют беспокойство определённые круги в ближнем и дальнем зарубежье. На самом деле, в обозримой перспективе предполагается, прежде всего, *реинтеграция* на иной, по новому демократической и культурной основе той *евразийской общности* исторически связанных и родственных народов СНГ, которая перед лицом новой социальной реальности, вызовов и рисков современного сложного и меняющегося мира им всем *значима и необходима*.

Что же *мешает* или, наоборот, может *способствовать*, осуществлению в современный период реальных процессов Евразийской интеграции?

В целом, представленные политическим руководством России к обсуждению и для реализации новые концепты и идеология развития, а также Евразийский интеграционный проект, вне сомнения, содержат целый ряд позитивных идей, положений, установок и позиций. Однако вместе с тем они вызывают и немало конкретных вопросов, касающихся сегодняшней ситуации в стране: о причинах стагнации российской экономики; о результатах реализации шести национальных проектов и стратегий инновационного развития, модернизации; реформ политической системы, сфер образования, науки, культуры, решения многих других проблем, связанных, например, с серьёзным отставанием России в росте, повышении человеческого потенциала, с определёнными показателями макропсихологического состояния российского общества, уровня субъектности, человеческого развития в целом и др.

Исследование современного российского социума с позиций системного социологического знания приводит к следующим выводам: сегодня в реальной опасности находится *самодостаточность* российского общества, возникли уязвимости его *неуправляемой открытости, потенциальных катастроф, усложнения рисков*, усиления социальной и культурной цивилизационной динамики.

Проблема не в том, чтобы избежать рисков и уязвимостей вообще, а в адекватных выборах возможных альтернатив действия в контексте сложного социума: в отказе от какого-либо радикализма, утверждении гуманистически ориентированной модернизации, новой экологической политики и т. д. Эти уязвимости и риски можно не только минимизировать, но и предотвратить с помощью *интегрального теоретико-методологического инструментария*, основанного на *полипарадигмальности* современного знания, на но-

вом синтезе естественных, социальных и гуманитарных наук, на содружестве политической элиты и учёных⁴¹.

Трудно не согласиться с выводом ведущих российских экономистов и социологов о том, что *основным противоречием* нашего общества остаётся разрыв между *реальными объективными возможностями* России как пока ещё единственной **самодостаточной** страны мира, наличием мощного арсенала средств их воплощения в действительность и *низким уровнем её социального развития и качества жизни народа*⁴².

Особо отметим, что сама по себе постановка вопроса о воплощении в жизнь стратегии инновационного развития страны с опорой на реализацию человеческого потенциала также не вызывает сомнений. Однако в действительности уровень государственных расходов на социально-экономическое развитие в России все «тучные» годы притока нефтедолларов был одним из самых низких в мире, он не соответствует ни требованиям социального государства, ни потребностям развития человеческого потенциала, по индексу развития которого Россия скатилась в число слаборазвитых стран⁴³. Между тем определяющими факторами развития *мировых и национальных сообществ* становятся *человеческий потенциал, социальный капитал, научные и гуманитарные знания*, а основным продуктом нового управления – *интеллектуальная собственность*. Прибавочная стоимость дополняется вновь создаваемым *интеллектуальным капиталом*⁴⁴.

Россия среди всех государств мира имеет наивысшую долю национального богатства, приходящуюся на душу населения – 400 тыс. долл., а также наивысшую долю природного капитала – 40 %, но при этом низшую долю физического (или производственного) капитала – всего 10 %.

Из этого можно сделать заключение о том, что для России наиболее целесообразен и практически безальтернативен долгосрочный основной вектор развития страны, базирующийся на максимальном использовании своих конкурентных преимуществ для удовлетворения социально-экономических интересов и потребностей на-

---

⁴¹ См. *Кравченко С. А.* Новые уязвимости и риски современного этапа развития российского общества // Россия в новой социально-политической реальности: мониторинг вызовов и рисков. - 2013. - № 1. - С. 13–20.

⁴² См. *Осипов Г. В.* Социология и общество. - М., 2007. - С. 564.

⁴³ См. *Глазьев С. Ю.* Упущенные возможности и условия экономического роста // Россия: новая социальная реальность. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2010 г.: анализ и прогноз. - М., 2011. - С. 17, 37.

⁴⁴ См. *Осипов Г. В.* От социально-философского к социально-научному знанию // Россия: новая социальная реальность. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2010 г.: анализ и прогноз. - М., 2011. - С. 10.

рода, так как по объему имеющихся ресурсов для развития, преодоления кризисного состояния, согласно оценке международных экспертов, ещё раз подчеркнём, Россия – одна из самых богатых стран мира. Однако сегодня она оказалась в числе тех, кто наиболее неэффективно, расточительно и нерационально их использует.

Жизнеспособность государственности и общества в России и других странах определяется ныне прежде всего тем, как они «производят» своё **будущее**. Инновационная система управления, опираясь на достижения современной науки, рассматривает будущее не как угрозу и не как следствие, а как **причину** настоящего. Поэтому она стремится к формированию *социального взаимодействия нового типа*, которое всё больше включает в себя *культурные составляющие* и всё больше подчиняется логике культурно-духовной коммуникации. Сама **культура** при этом является способом *ценностного, смыслового понимания реальности*, качественной оценки и освоения гуманистических норм жизни, т. е. сферой *поиска, проектирования и конструирования* новых социальных и личностных **источников** и **устоев** человеческого мира, без которых невозможно сформировать общество, базирующееся собственное **благостояние** на **внутреннем развитии** своих граждан и не позволяющее приносить их в жертву очередным проектам «светлого будущего», навязанного им новоявленными реформаторами **извне**.

В связи со сказанным выше, выделим особо *проблему необходимости формирования нового мировоззрения, сознания и поведения людей* в целом как условий и факторов, наиболее соответствующих с одной стороны, вызовам и требованиям новой социальной реальности, а с другой – критериям и принципам гуманистического миропонимания и научности, а также – практике живого исторического процесса. Таким определяющим условием и фактором, с нашей точки зрения, выступает прежде всего *феномен социального реализма*, который представляет собой естественную основу и важнейший принцип нового гуманистического мировоззрения и деятельности, смыслом и целью которых являются созидание, сохранение и развитие *реальной человеческой жизни* благодаря формированию и утверждению всё более совершенных способов социальной жизнедеятельности людей. Социальный реализм означает признание многообразия и необходимости *сочетания, синтеза общественных связей и взаимодействий*, включая, в частности, отношения собственности и власти, которые в силу этого теряют характер несовместимых и непримиримых противоположностей, заведомой направленности против чего-то или кого-то⁴⁵. Он соответствует *общенаучному*

⁴⁵ См. Андреев Э. М. Современная социальная реальность и социальный реализм в контексте формирования новых сфер культуры и управления // Современная со-

принципу комплементарности, открытому Н. Бором: *contraria sunt complementa (противоположность есть дополнительность!)*.

Исследование теоретико-методологических аспектов реальных интеграционных процессов, следовательно, требует анализа их адекватности **реалиям** современного мира и направленности на определение общих тенденций развития этих процессов. Однако ни одна из существующих моделей интеграции не была создана по одному и тому же, например, европейскому, образцу. Интеграционные процессы – сложные и многомерные явления, поэтому та или иная модель региональной интеграции не может быть автоматически перенесена на другие регионы⁴⁶. Но каждая из них, используя имеющийся потенциал научных принципов анализа сложных социальных систем – *целостности, синергии, дополнительности, диалектической взаимосвязи*, сумеет внести свой вклад в изучение специфических особенностей, характеризующих новизну изменяющейся социальной реальности. А знание основных закономерностей интеграционных процессов, применение опыта успешных интеграционных объединений позволяют выработать адекватную стратегию, способствующую развитию различных форм интеграции в современном мире.

циальная реальность России и государственное управление. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 г. - М.: ИСПИ РАН, 2014. - Т. I. - С. 249–252.

⁴⁶ См. *Папба Д. А.* Теоретико-методологические аспекты изучения интеграционных процессов // Социально-гуманитарные знания. - 2014. - № 3. - С. 327–334.

IV. Социальное взаимодействие стран – участниц процесса евразийской интеграции: теория, методология, практика

Государства, подписавшие Договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) демонстрируют серьезные намерения в реализации главной задачи данного интеграционного объединения – построении⁴⁷ конкурентоспособного экономического союза в интересах повышения стабильности и уровня жизни населения всех участников – постоянно согласовывая и корректируя тактику, прорабатывая долгосрочную стратегию его формирования. В условиях, когда проект создания ЕАЭС, как один из самых дискуссионных проектов нашего времени, рассматривается с геополитической точки зрения, в контексте формирования новой мировой архитектуры, когда есть внешние силы, которым не выгодно это объединение, силы, стремящиеся заблокировать постсоветскую интеграцию с опорой на Россию, только такой подход является залогом успеха.

В базовом документе, определяющем порядок интеграции – Договоре о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) в качестве интеграционной модели утверждена институциональная модель, предусматривающая скоординированную или согласованную политику в экономической сфере в пределах и объемах, установленных Договором и международными договорами в рамках Союза в соответствии с основными принципами и целями Союза; создание наднациональной системы управления (Высший Евразийский экономический совет, включая вспомогательные органы: советы руководителей государственных органов Сторон, рабочие группы, специальные комиссии; Евразийский межправительственный совет; Евразийская экономическая комиссия; Суд Евразийского экономического союза) и утверждение бюджета Союза.

---

⁴⁷ Договор о Евразийском экономическом союзе». Подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. Ред. от 10 октября 2014 г., с изм. от 23 декабря 2014 г. // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170264/ [дата обращения: 3 марта 2015 г.].

Однако успешное развитие союза, достижение интеграционных целей призваны сформировать новое поле представлений не только о едином экономическом, но и социальном пространстве, евразийской социальной безопасности, наднациональной социальной политике и социальной политике стран, вошедших в новое интеграционное объединение, социальной защите населения. В обосновании этой позиции следует привести два аргумента.

Во-первых, уровень ожиданий россиян от евразийской интеграции очень высок⁴⁸. 51 % опрошенных полагают, что создание ЕАЭС приведет к позитивным изменениям в их жизни, при 21 % затруднившихся.

Рисунок 1

Как Вы считаете,
приведет ли создание Евразийского союза
к позитивным изменениям в Вашей жизни?

⁴⁸ Опрос проведен ИСПИ РАН в апреле 2014 г. по городской репрезентативной выборке России (по городам с населением свыше 100 тыс. человек в восьми федеральных округах, 69 субъектах РФ, 138 населенных пунктах). Опрошены 1 тыс. человек в возрасте от 18 лет.

А в качестве позитивных социальных последствий становления Евразийского союза для всех респонденты назвали:

- рост оборота торговли стран сообщества;
- упрощение таможенных процедур;
- создание единого миграционного пространства;
- рост основных макроэкономических показателей;
- стабилизация курсов национальных валют.

Соответствие этим представлениям накладывает особую ответственность на правящую элиту страны. Обманутые ожидания, разочарования – путь к снижению доверия к власти, к апатии, конфронтации, социальному недовольству и напряжению в обществе.

Во-вторых, мировая практика интеграционных процессов, в том числе наиболее успешный опыт последних десятилетий – создание мощной интегрированной европейской зоны – ЕС, уверенно свидетельствуют, что успех евразийской интеграции детерминирован социальным становлением ЕАЭС, эффективным социальным взаимодействием его государств-участников. Укрепление солидарности, сотрудничества между народами при уважении их истории, культуры, традиций, гармоничное развитие и сближение стран, признаваемые основанием создания союза, требуют понимания необходимости разработки концепта социальной политики Евразийского союза, социального направления евразийской интеграции, обоснования методологии социального измерения.

Сегодня, к сожалению, в отечественной науке и практике роль и место социального взаимодействия государств – членов Союза недооценивается, не ведется разработка его концептуальной конструкции как действенного наднационального способа реализации интеграционного процесса, инструмента социальной безопасности ЕАЭС. Поэтому определение конкурентоспособной социальной перспективы, разработка форм социального направления интеграции, являющихся условием расширения социальной базы, важны теоретически и практически.

Для построения модели социальной политики продуктивными являются идеи: происхождения и сущности социальных институтов и социального порядка, сформулированные в работах М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, П. Сорокина; социального государства Т. Маршалла; необходимости вмешательства государства средствами социальной политики в разрешение конфликтов Т. Парсонса; правового государства Д. Локка, Вольтера; подконтрольности государства гражданскому обществу Р. Найера; государственного регулирования рыночной экономики Д. Кейнса; об особенностях восточных стран и, прежде всего, России, в которой, в отличие от западноевропейских стран, где при ослаблении государства на поверхность

выходит гражданское общество, при ослаблении государства – рухнет все, А. Грамши.

Важный материал для разработки модели социального взаимодействия государств – членов ЕАЭС, а также гражданского общества стран – содержится в работах российских коллег: В. В. Антропова (2006); Ю. А. Борко (1975), О. В. Буториной (2006), Л. И. Глухарева (1995), М. В. Каргаловой (1999, 2010), А. Ф. Храмцова (2005), Л. В. Церкаевича (2003) и др.

Интерес по проблемам формирования наднациональной социальной модели вызывают работы зарубежных коллег, анализирующие становление и развитие европейской социальной политики: М. Араха (1998), Е. Д. Брозе (2005), Р. Баубока (1994), Б. Дикона (1997), К. Коукера (2000), Д. П. Розанваллона (1997), Д. Сиджански (1998).

Сложность решения этой задачи состоит в том, что все государства – члены ЕАЭС имеют свои национальные особенности социальных моделей, определяемые институциональным своеобразием, разным уровнем экономического развития, разными экономическими возможностями в обеспечении населения определенным уровнем и качеством жизни. При всей общности исторических корней, население стран – членов ЕАЭС обладает значительными особенностями в культуре, повседневных практиках, менталитете, что также обуславливает специфику социальной сферы стран как пространства реализации социальной политики. К факторам, сдерживающим конструирование модели социального взаимодействия стран – участниц процесса евразийской интеграции, можно также отнести:

- сложности согласования национальных амбиций политических элит, разногласия в экспертном сообществе по проблемам интеграции. Сегодня отсутствуют единые подходы к сути, порядку и срокам интеграции; противники создания Союза приводят аргумент о великом экономическом бремени для России по поддержке партнеров по проекту. Препятствуют этому процессу и страхи утраты суверенитета. Дискуссионными остаются вопросы о роли Евразийской экономической комиссии как наднациональном органе, возможности использования единой валюты, приеме новых членов;
- различия стран в уровне экономического развития, которые с одной стороны выступают ограничением, а с другой – требованием к наднациональной социальной политике;
- отсутствие конструктивного диалога власти и общества по этим проблемам, представителей разных подходов к евразийской интеграции, хорошо организованных общественно-политических движений в поддержку этого проекта, недостаточная включенность в них населения. Сегодня на этом поле наиболее заметны Евразий-

ское молодежное движение «Молодая Евразия», Конфедерация общественных сил за евразийскую интеграцию;

- проблемы гармонизации нормативно-правовой базы, медленное её формирование для решения наднациональных проблем и практическое отсутствие внимания к нормативно-правовой базе социального взаимодействия;

- отсутствие информационной системы поддержки, мониторинга готовности общества к экономической интеграции, знаний об ожиданиях людей;

Модель наднациональной социальной политики представляет собой систему взаимообусловленных социальных действий, реализуемых в рамках определенной наднациональной стратегии данного интеграционного объединения. Именно она определяет роль субъектов наднациональной и национальной социальной политики (государства, семьи, бизнеса, неправительственных организаций, гражданского общества), характер социально-трудовых отношений, принципы перераспределения национального дохода, обеспечения достойных стандартов жизни в условиях рыночной экономики, нейтрализации рисков в интересах повышения уровня и качества жизни населения интеграционного объединения.

Она включает в себя общие для всех государств – членов ЕАЭС элементы социальной политики, отличающие Евразийский экономический союз от других интеграционных объединений. В её нормативной базе закрепляются, устанавливаются минимальные значения показателей, выступающих индикаторами, стандартами социального благополучия и справедливости в ЕАЭС. Модель социального взаимодействия призвана эффективно сочетать межгосударственное целеполагание, национальные формы принятия решений и межправительственные практики. Принципиально важно, чтобы на уровне ЕАЭС было утверждено нормативное представление о том, что социальная политика, реализующая принципы социальной справедливости и социального выравнивания, способствует достижению экономических целей ЕАЭС.

Важной частью модели социального взаимодействия стран – членов ЕАЭС и условием ее успешной реализации является социальное измерение интеграционных процессов. Его задачей является оценка социальной эффективности и социальных последствий объединительных процессов в режиме мониторинга. Структура социального измерения опирается на три группы показателей: ресурсные, процессуальные и результативности, включая объективные и субъективные, нормативные и фактические, оптимальные и минимальные. 1-я группа – финансовое и информационно-технологическое обеспечение, инфраструктурная среда социальной сферы (объемы

финансирования социальных программ, количество и качество элементов социальной инфраструктуры (медицинской, образовательной, социального обслуживания), кадрового обеспечения социального воспроизводства населения). 2-я группа – управленческие, меры принятые для достижения целей евразийской интеграции (принятые документы, количество реализуемых программ, количество и качество мероприятий, направленных на решение реальных, конкретных социальных проблем). 3-я группа – самая важная, с точки зрения, оценки социальной эффективности интеграционных процессов. Она позволяет дать характеристику изменений в жизни населения, оценить движение к поставленной в договоре о создании Евразийского экономического союза цели (рождаемость и смертность, миграция, занятость и безработица, уровень жизни, доходный и имущественный статус, жилищные условия, доступность качественных услуг, социально-психологическое самочувствие (социальные удовлетворенность, ущемленность, напряженность, толерантность, конфликтность). Показатели 1-й и 2-й групп могут здесь рассматриваться как факторы результативности.

Интегральными показателями являются: «здоровая средняя продолжительность жизни» и «социальная солидарность» (единство или более привычная, используемая в дискурсе о европейской интеграции – социальная сплоченность).

К числу обобщающих мы относим показатель «здоровая средняя продолжительность жизни», потому что именно в нем фокусируются все условия жизни, именно он характеризует её качество и не только материальные условия, но и социально-психологические.

Показатель социальной солидарности (социального единства или социальной сплоченности) также является комплексным, характеризующим успехи интеграции, наднационального социального взаимодействия и национальных социальных политик. Степень интеграции группы, общности, общества, обществ включает характеристику уровня единства ценностных ориентаций, прочности межличностных, межэтнических взаимоотношений, идентичности, толерантности в системе межэтнического взаимодействия, доверия/недоверия в отношениях людей друг к другу, к наднациональным и национальным социальным институтам, наднациональным регуляторам, их лидерам и к национальным властям, согласованность поведения членов группы, общности, общества в основных сферах деятельности. При этом внутригрупповые связи, показывающие степень совпадений оценок, установок и позиций группы по отношению к объектам, людям, идеям, событиям и прочему, являются показателем меры социальной сплоченности социума интеграционного объединения в целом и могут быть представлены «площадкой» или

«моделью» социальной солидарности населения стран Евразийского союза.

К ключевым условиям достижения социальной сплоченности ЕАЭС относятся стабильный рынок труда, достойный, с учетом уровня социально-экономического развития страны, доходный и имущественный статус (заработная плата работающих и пенсии неработающих, условия проживания), обеспечение защиты прав трудящихся, создание комфортных условий для проживания. Несоответствие реального состояния дел ожиданиям населения, значительная дифференциация социально-профессиональных, социально-демографических групп по вышеперечисленным показателям ведет к социальной разобщенности.

Очевидно, что мониторинг имеет смысл при отслеживании динамики показателей эффективности интеграционных процессов в ЕАЭС в каждой отдельной стране и сравнимости их в межстрановом варианте, соотнесении реальных показателей к утвержденным нормативным индикаторам. Наиболее чувствительными показателями социальной реальности к интеграционным изменениям являются: ВВП на душу населения; уровень безработицы; номинальная начисленная среднемесячная заработная плата работников; месячная минимальная заработная плата; денежные доходы в среднем на душу населения, субъективные оценки удовлетворенности различными сторонами жизни, поддержка идеи создания на постсоветском пространстве Евразийского экономического союза, трудовой миграции в рамках ЕАЭС, идентичность, ценностные ориентации, прочность межличностных, межэтнических взаимоотношений, толерантность в системе межэтнического взаимодействия, доверия/недоверия в отношениях людей друг к другу, к наднациональным и национальным социальным институтам, наднациональным регуляторам, их лидерам и к национальным властям, согласованность поведения членов группы, общности, общества в основных сферах деятельности. Хотя мы понимаем, что на изменении их значений могут сказаться и другие факторы. Но они могут быть интерпретированы в ходе анализа.

Предполагаемый нами мониторинг трансформации социальной реальности в процессе евразийской интеграции, конечно, требует характеристики стартовых показателей, а затем их динамики. Но это тема отдельной статьи. Здесь же мы дадим характеристику одного из них: показателя идентификации россиян. Как видно из табл. 1, даже в крупных городах пока никто себя не идентифицирует с новым союзом.

Таблица 1

**Кем Вы ощущаете себя в первую очередь?
% от числа опрошенных**

	Всего	Москва	Санкт-Петербург
Россиянином	67	66	60
Членом своей семьи	11	10	5
Жителем города, в котором живете	11	10	18
Гражданином мира	6	6	12
Представителем своей национальности	4	5	3
Членом организации, в которой работаете	0	0	1
Гражданином Евразийского союза	0	0	0
Отказ от ответа	1	3	1

В настоящее время для наднационального социального взаимодействия государств – членов ЕАЭС особенно важна политика занятости. Именно она обеспечивает реализацию приоритетных целей Договора – формирование единого рынка трудовых ресурсов в рамках Союза, свободу движения рабочей силы, создает предпосылки для роста материального благополучия людей, независимо от страны проживания и обеспечивает финансирование социальной политики.

Рынок труда представляет собой сложную динамическую социально-экономическую систему, в ткань которой включены многообразные отношения, взаимоотношения и взаимодействия его субъектов. Процесс его формирования в рамках ЕАЭС не прост и очень противоречив.

Свобода движения рабочей силы в ЕАЭС открывает для человека возможность на более широком профессиональном пространстве найти работу, которая создавала бы условия для профессиональной самореализации, обеспечения достойного уровня жизни в соответствии с его квалификацией и притязаниями; обеспечивает гарантии более благоприятных условий труда, больший доступ к медицинскому и социальному обслуживанию; упрочивает позиции работника на рынке труда. Некоторые выгоды свобода перемещения рабочей силы в ЕАЭС может принести и работодателям. Например, увеличение гибкости рынка труда; возможность более оптимально управлять трудовыми ресурсами; снижение производственных издержек.

Для государства и принимающего общества, преимущества этого положения договора могут быть связаны с увеличением возможностей рынка труда; более эффективным удовлетворением спроса на рабочую силу; выводом из тени трудовой миграции за счет легализации временных трудовых мигрантов, занятых в неформальном секторе; с возможностью за счет регулирования уровня оплаты труда наращивать потенциал там, где будет особенно нужно; с более эффективным распределением рабочей силы в регионе; обеспечением прозрачности трудовых отношений; ростом доходов в бюджет за счет повышения сбора налогов; легализации миграции, что поможет разгрузить пенсионные и медицинские фонды; с возможностью контроля условий труда, соблюдения технологических стандартов и повышения качества производимых товаров; с более эффективным решением демографических проблем в принимающем регионе (приток молодых на рынок труда будет способствовать улучшению возрастной структуры населения принимающего общества). Для посылающего – снятие социальной напряженности из-за отсутствия рабочих мест, обеспечение повышения уровня жизни коренного населения за счет доходов, получаемых мигрантами и т. п.

Но есть риски, возможны негативные последствия. Перемещение мигрантов в пределах Евразийского экономического союза связано с преодолением ими состояния культурного шока, восстановлением разрушенных устойчивых бессознательных сценариев поведения и реагирования, формированием новой идентичности, приемлемой как для них, так и принимающего общества.

Риски принимающего общества могут быть связаны с ростом спроса на рабочие места; увеличением конкуренции рабочей силы в отдельных регионах; появлением социальной напряженности в борьбе за рабочие места в наиболее благоприятных (с позиции оплаты труда) регионах; увеличением социальной нагрузки на бюджеты принимающих регионов; ростом ксенофобии, этнокультурных противоречий, межэтнических противостоятий; националистических прояв-

лений; правонарушений; с усилением давления на власть противников либерализации миграционных процессов и противников интеграционных процессов. Могут иметь место риски социальной дестабилизации. Для посылающих стран риски связаны с потерей экономически активного населения, «вымиранием» небольших городов и поселений, снижением потенциала социального развития, демографическими проблемами.

Изменение условий перемещения трудовых мигрантов в ЕАЭС потребует от каждого государства – члена ЕАЭС обеспечения равных прав на: трудоустройство; оплату труда; социальную защиту; других социально-правовых гарантий всем участникам этого процесса, эффективного решения целого комплекса проблем, тесной увязки процессов и принципов формирования единого рынка труда и иммиграционной политики. Важность гармонизации законодательств по проблемам иммиграции вопросам занятости, социальной защиты государств – членов Союза, координации действий в этих направлениях обуславливается потребностью обеспечения безопасности ЕАЭС, так как границы между ними перестают эффективно выполнять роль барьера проникновению нелегальных мигрантов, преступных элементов, наркотиков.

Здесь очень полезным может оказаться опыт строительства ЕС. Он дает возможность учесть при выработке совместных действий государств – членов ЕАЭС наиболее удачные/неудачные практики. В Европейском союзе наряду с общей политикой по регулированию различных аспектов экономической деятельности, составным элементом компетенции Союза является миграционная политика, политика обеспечения занятости и политика в социальной сфере. Миграционная политика изначально представлялась как обслуживающая единый рынок. Она представляет собой систему институциональных и политических рамок, в которых ключевая роль отводится совместной охране общественной границы ЕС⁴⁹. При этом ЕС прошёл долгий путь от сотрудничества на межправительственной основе к более тесному взаимодействию на наднациональном уровне по проблемам допуска и пребывания на территории Европейского союза, установления одинаковых правил въезда, выезда, выдворения иммигрантов, их передвижения⁵⁰. Страны ЕАЭС, безусловно, призваны учесть европейский опыт решения социальных проблем в процессе интеграции. Так, Жан Тироль, лауреат Нобелевской премии по экономике 2014 г., отмечает: «Мы немного упустили историческую возможность создать бюджетную Европу... Если говорить

---

⁴⁹ Потемкина О. Иммиграционная политика ЕС: от Амстердама до Лиссабона // Мировая экономика и международные отношения. - 2010. - № 4. - С. 44.

⁵⁰ Даргель В. Наднациональная составляющая в иммиграционной политике Евросоюза // Власть. - 2011. - № 12. - С. 155–157.

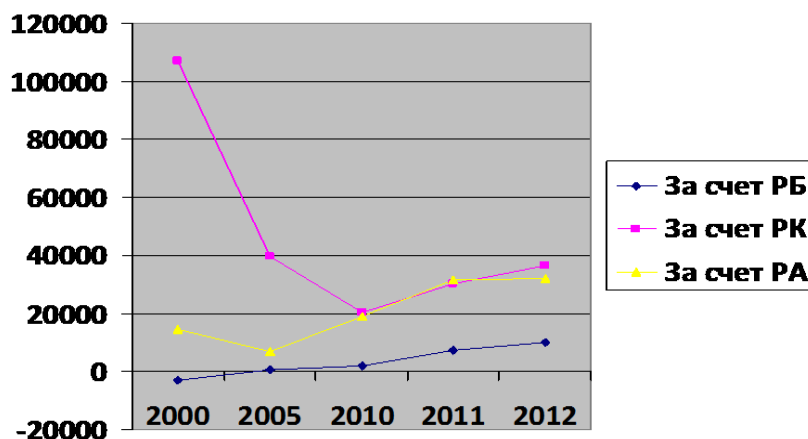
о рынке труда, то в США у рынка труда, в целом, одинаковые законы и в Калифорнии, и в Нью-Йорке. Но в Южной Европе и в северной Европе это совсем не так. Мы должны были бы создать бюджетную Европу со схожими законами для рынка труда, для банкротств и т. п. Мы этого не сделали, а потом было сложно. И поэтому сегодня я слабо представляю, к сожалению, – хотя я хотел бы, чтобы это произошло, – что северная Европа согласится поделиться своей системой социального обеспечения безработных, своими бюджетами и прочим с южной Европой»⁵¹.

Как показывает наш анализ, вектор миграции, связанной с переездом на постоянное место жительства, и трудовой миграции направлен сегодня и, по прогнозам экспертов, несмотря на экономические сложности, будет направлен из всех государств – членов ЕАЭС в Россию.

Так, начиная с посткризисного 2010 г., миграционный обмен со всеми государствами – членами ЕАЭС активизировался только у России.

Рисунок 2

**Миграционный прирост России
за счет мигрантов из Республик Беларусь,
Казахстан и Армения, человек**

⁵¹ Интервью с лауреатом Нобелевской премии по экономике 17 октября 2014 г. // <http://ru.euronews.com/2014/10/17/nobel-winner-jean-tirole-speaks-out-in-favour-of-a-european-budget/> [дата обращения: 3 марта 2015 г.].

Миграционный обмен Республики Беларусь с РФ сохранился примерно на докризисном уровне, а с Республикой Казахстан имеет незначительную тенденцию к росту. Миграционный обмен Республики Казахстан с Российской Федерацией и Республикой Беларусь уменьшился. Примерно те же тенденции демонстрирует миграционный прирост России и Республики Беларусь за счет мигрантов из этих стран. Республика Казахстан вообще имеет миграционную убыль за счет мигрантов из государств – членов ЕАЭС. Республика Армения после всплеска миграционного прироста за счет мигрантов из России в 2010 г. имеет, практически, нулевой баланс с вышеперечисленными странами.

По экспертным оценкам и данным эмпирических исследований, и мы можем утверждать, что среди населения стран ЕАЭС россияне обладают низким потенциалом пространственной мобильности, выстраивая её в рамках стратегии поэтапных урбанизационных перемещений Э. Равенстейна и логики «ступенчатой миграции». Жители региональных столиц предпочитают переезд в Москву и Санкт-Петербург, а жители сельских районов – в центральный город своих регионов. К причинам, тормозящим потенциальные намерения к трудовой миграции, они относят: надежду найти работу в своем городе; сложности с жильем; нежелание разрывать социальные связи; вписанность в социальную инфраструктуру; налаженный быт⁵².

Подтверждением этого вывода служат результаты репрезентативного опроса россиян, проведенного ИСПИ РАН в ноябре 2014 г.⁵³. На вопрос: «Хотели бы Вы воспользоваться возможностью, предоставляемой договором между Россией, Беларусью и Казахстаном о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), в рамках которого обеспечивается свобода движения рабочей силы, и выехать в поисках постоянной или временной работы за пределы своего места жительства?» Выразили желание переехать в другой регион России – 14 %, в Республику Беларусь – 5 %, в Республику Казахстан – 3 %. Условиям такого переезда названы (вопрос множественный): обеспечение достойной заработной платы – 58 %; предоставление служебного жилья – 35 %; содействие в приобретении жилья в собственности – 30 %; наличие государственных программ, содействующих переезду – 21 %; гарантии карьерного роста – 15 % и профессиональной самореализации (работа по специальности) – 14 %. От-

⁵² Качурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Потенциал пространственной мобильности безработных в России // Социологические исследования. - 2012. - № 2. - С. 44.

⁵³ Опрос проведен в ноябре 2014 г. по общенациональной репрезентативной выборке. Было опрошено 1 044 человек, проживающих в восьми федеральных округах, в городах и сельской местности в возрасте от 18 лет.

носительное большинство (30 % от числа респондентов), допускающих возможность своего переезда в другой регион или республику в качестве предпочтительной, назвали заработную плату от 70 до 100 тыс. руб.

Миграционный потенциал РБ оценивается белорусскими экспертами как более высокий⁵⁴. В последние годы они отмечают выезд топ-менеджеров в Москву, Санкт-Петербург, что вызывает особую озабоченность в республике. В перспективе, по мнению специалистов Беларуси⁵⁵, миграционные процессы могут усилиться в силу: реализации планов по сокращению излишней численности работников белорусских предприятий; сохранения разрыва в заработной плате работников при равной квалификации между Россией и Беларусью; усиления кризисных явлений в экономике Беларуси.

Трудовая миграция из Казахстана в Россию, по экспертным данным, активизировалась в 2013 г. Так, за 10 месяцев 2013 г. в Казахстан из-за рубежа через системы денежных переводов (СДП) поступило 74,2 млрд тенге, или около 485 млн долл., что больше по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. на 17,6 %⁵⁶. Предметом тревоги экспертов является отсутствие своих квалифицированных кадров. Казахстан пока не в состоянии собственными ресурсами восполнить потери человеческого капитала 1990-х гг. Большие надежды возлагаются на единый рынок ЕАЭС. Эксперты из Казахстана полагают, что несмотря ни на какие санкции, ни на усложнение правил трудоустройства в России, создание ЕАЭС в перспективе может повлиять на объемы миграции в сторону их увеличения, а также и на модели трудоустройства казахстанцев в России.

В потоке трудовых мигрантов в Россию остается постоянным вклад граждан Армении. По данным Федеральной миграционной службы РФ, в 2013 г. в Россию въехало около 670 тыс. граждан Армении (на 20 % больше, чем в 2012 г.). А по оценке Национальной статистической службы РА, 90 % лиц, направляющихся в Россию, въезжают в РФ с целью найти работу. В связи с вхождением Армении в состав ЕАЭС, эксперты РА также ожидают увеличения миграционных потоков из Армении в Россию⁵⁷.

Отметим, в нашем исследовании, эксперты России, оценивая в целом потенциал пространственной мобильности граждан всех го-

⁵⁴ Андреева Е. Трудовая миграция в Беларуси бьет рекорды // <http://newsland.com/news/detail/id/1040412/> [дата обращения: 26 ноября 2014 г.].

⁵⁵ Заяц Д. Белорусские гастарбайтеры: кто они, почему нелегалы и сколько зарабатывают // Белорусские Новости. - 2013. - 4 февраля.

⁵⁶ Садовская Е. Трудовая миграция из Казахстана // <http://demoscope.ru/weekly/2014/0583/tema03.php> [дата обращения: 3 марта 2015 г.].

⁵⁷ Россию ждет наплыв мигрантов из Армении // <http://www.islamnews.ru/news-147051.html> [дата обращения 1 декабря 2014 г.].

сударств – членов ЕАЭС, полагают, что миграционный потенциал постсоветского пространства в целом исчерпан. Миграционный обмен при сохранении социально-экономической и социально-политической ситуации будет поддерживаться на том же уровне. При этом лучшие возможности для возрождения индустриального потенциала страны имеет РБ, так как здесь сохранена материальная база и инженерные кадры. В условиях возникновения потребности производства товаров для ЕАЭС именно в Беларуси может возникнуть потребность в рабочей силе. В этом случае миграционные потоки могут развернуться в эту сторону.

В этой связи России предстоит большая работа на федеральном уровне, поскольку она в значительной мере, как принимающая сторона, заинтересована в построении институционального баланса, обеспечивающего представительство интересов всех заинтересованных социальных и политических слоев государств – членов ЕАЭС, в гармонизации национальных правовых норм, административных актов, уточнении и согласовании норм, государственных и общественных институтов стран – участниц Союза, обеспечивающих непрерывный процесс свободы движения рабочей силы; эффективное использование труда; выработку механизмов использования рабочей силы, знаний, квалификации и способностей в трудовом процессе. Внутренняя социальная и миграционная политики страны должны реализовываться в рамках евразийских компетенций, активно и динамично реагируя на новые условия движения рабочей силы, изменение трудовых отношений во внутренней социальной политике.

Но в равной степени ответственность за создание условий для формирования единого рынка труда, несут региональные и городские: власть, бизнес, неправительственные организации, гражданское общество. Инструментами обеспечения безопасности выступает разумное выстраивание миграционной и социальной политик.

Следует признать, что каждый субъект Российской Федерации, формирующий миграционный вызов, обладает своей спецификой. В особой ситуации находятся крупные города, принимающие подавляющее большинство мигрантов. Именно это заставляет администрацию городов разрабатывать свою политику, учитывающую местные условия на рынке труда, жилищные возможности региона, ресурсы и инфраструктуру в системе функционирования городского транспорта и социального сервиса. Так, например, по данным наших исследований, особенности столичного мегаполиса⁵⁸ заключаются, прежде всего, в том, что Москва не испытывает серьезных демогра-

---

⁵⁸ *Осадчая Г. И.* Динамика миграционных процессов из Армении и Грузии в Москву // *Осадчая Г. И.* Социокультурные характеристики повседневных практик россиян. - М.: Издательство РГСУ, 2013. - С. 323–413.

фических проблем. Здесь безработица невысока и имеет структурный характер. Вакантными остаются только не привлекательные для москвичей рабочие места. Столичный мегаполис нуждается в притоке не квалифицированных мигрантов (квалифицированные кадры город производит и воспроизводит сам) и относительно дешевой рабочей силе, занятой в коммунальном хозяйстве, строительстве, торговле, общественном транспорте, услугах населению. Москва является стихийным миграционным магнитом, поэтому для города нет необходимости проводить специальную политику привлечения мигрантов. С другой стороны, здесь остро стоят проблемы: интеграции мигрантов в сообщество, расширения возможностей всех функциональных систем города, наращивания их потенциала в соответствии к растущей численностью населения и меняющейся структурой его потребностей, преодоления межкультурных противоречий, возникающих на почве нетерпимости и разного рода фобий, сложностей, возникающих в отношениях между москвичами и приезжими.

Потребность столичного мегаполиса в кадрах, с одной стороны, и большое количество проблем, возникающих у Москвы как у принимающего общества, с другой, порождают достаточно противоречивую политику городского Правительства. Этим объясняется позиция московских властей, выдвигающих на первый план свои проблемы и интересы, которую эксперты, принявшие участие в исследовании – характеризовали как рестриктивную, антилиберальную и антимиграционную, подчеркивая её особое проявление в вопросе московской прописки.

Одной из главных проблем России, решаемой, прежде всего, на региональном уровне, ограничивающей мобильность кадров, является неразвитость социальной инфраструктуры: системы арендного жилья, нехватка детских садов, слабое развитие легальной системы доступных социальных услуг, а значит, необходимо планомерно решать и эту проблему.

На региональном уровне предстоит развивать механизмы саморегулирования в области трудовой миграции, которые включают в себя:

1. формирование сети рекрутинговых агентств (государственных, частно-государственных или частных) для поиска работы, трудоустройства, обеспечения информацией по социальной защите, консультациям по законодательству для трудовых мигрантов;
2. создание общей информационной базы по вопросам занятости населения и вакансий рабочих мест в странах ЕЭП и СНГ; о потребностях в рабочей силе с разбивкой по регионам, отраслям и специальностям, квалификационным характеристикам (в потенци-

альной стране приема), а также предложения рабочей силы (в странах исхода);

3. создание открытой, доступной, постоянно обновляемой и бесплатной базы данных вакансий, содержащих информацию о рабочей силе, правилах въезда и пребывания на территории стран – участниц ЕАЭС;

4. создание сети социальных центров для поддержки трудовых мигрантов и их правовой защиты, развитие общественных объединений самих мигрантов, участие профсоюзов и конфедераций работодателей в защите профессиональных прав мигрантов;

5. обеспечение сотрудничества этих организаций с работодателями и государственными органами по вопросам обеспечения свободного перемещения рабочей силы;

6. оптимизацию системы найма, развитие социальной инфраструктуры для адаптации и интеграции мигрантов в принимающих странах, системы защиты прав трудящихся-мигрантов;

7. обеспечение взаимодействия экспертных сообществ и институтов гражданского общества государств – членов ЕАЭС.

Есть и еще проблемы, которые следует иметь в виду при конструировании социального направления интеграции. Как показывают наши исследования (февраль 2015 г.)⁵⁹, 32,0 % респондентов не поддерживают или, скорее, не поддерживают трудовую миграцию внутри Евразийского союза. Практически треть полагает, что межэтнические отношения, сложившиеся в районе их проживания между коренными жителями и приехавшими из стран Евразийского союза, можно охарактеризовать как напряженные или враждебные. Респонденты полагают, что привлечение значительного числа трудовых мигрантов ведет к усложнению этнокультурной и этносоциальной дисперсности, создает угрозу безопасности регионов и миграция является причиной роста преступности в стране, межнациональной напряженности. Они опасаются вытеснения местных жителей с престижных рабочих мест, роста социальной напряженности.

Преодоление этой позиции требует, с нашей точки зрения, создания системы информирования населения, формирования позитивного мнения вокруг идеи интеграции, этнокомплементарных отношений в российском социуме, детерминирующих успех реализации евразийского проекта.

---

⁵⁹ Опрос проведен ИСПИ РАН в феврале 2015 г. по городской репрезентативной выборке России (по городам с населением свыше 100 тыс. человек в восьми федеральных округах, 69 субъектах РФ, 138 населенных пунктах). Опрошены 1,5 тыс. человек в возрасте от 18 лет.

Таблица 2

Ответы респондентов на вопросы...,
% от числа опрошенных

	Всего	Москва	Санкт-Петербург
Поддерживаете ли Вы трудовую миграцию в рамках ЕАЭС?			
Да + Скорее да	53	50	33
Нет + Скорее нет	32	43	46
Затрудняюсь ответить	14	7	21

Как Вы можете охарактеризовать межэтнические отношения, сложившиеся в районе Вашего постоянного проживания, между коренными жителями и приехавшими из стран Евразийского союза?

Дружеские + мирные	61	46	44
Напряженные + враждебные	29	47	45
Затрудняюсь ответить	10	7	11

Отметим, что больший негативизм в отношении мигрантов проявляется среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга. Как показывают наши исследования, несмотря на то, что большинство москвичей и петербуржцев имеет свою миграционную историю, они все чаще высказываются против увеличивающегося количества иностранных работников из стран СНГ, за сохранение их низкого статуса. Москвичи и петербуржцы ориентированы на односторонность аккультурации, ожидают «подстраивания» мигрантов к культуре принимающего мегаполиса. При этом далеко не всегда в этих рассуждениях делается акцент на этничности. Речь идет о несовпадении

норм поведения старых и новых москвичей петербуржцев и , их желании навязать мигрантам свои социокультурные практики, включая ношение одежды, использование сленга, питание, организацию досуга, нравственные нормы. Отклонения от нормативного поведения воспринимаются как угроза личной безопасности, становятся маркером деления людей на своих и чужих. Хотя некоторые исследователи отмечают еще более жесткое, демонстративное стремление, прежде всего, выходцев с Северного Кавказа утвердить свое право на сохранение в новой среде специфических норм поведения, что часто ведет к конфликтам⁶⁰.

Некоторую ясность в отношении укорененных москвичей, петербуржцев и мигрантов могут внести результаты исследования различий психологических портретов и стилей жизни, проведенного КОМКОН. Они выделили три основных типа жителей Москвы и Санкт-Петербурга. Первый тип жителей столицы – рожденные в Москве и определяемые как «коренные», второй – переехавшие в Москву с родителями в детстве, и третий – самостоятельно сделавшие свой выбор в пользу Москвы в сознательном возрасте. Описание «коренных» москвичей и петербуржцев включает такие характеристики, как интеллигентность, образованность, неторопливость, приверженность собственному укладу жизни, традициям и обычаям, вкупе с ленью, высокомерием, снобизмом и закрытостью. «Не коренные», но выросшие в столице москвичи и петербуржцы – это независимые, целеустремленные, самостоятельные, прагматичные, раскованные и самоуверенные люди с завышенной самооценкой. Третий тип – свежее испеченные москвичи и петербуржцы, их характеризует индивидуализм, цепкость, готовность выполнять любую работу, меркантильность и беспринципность⁶¹. Различия стилей также могут вести к напряжению в отношениях различных групп.

В заключение хотелось бы сказать, что большинство населения столичного мегаполиса (7 из 10 респондентов при 17,9 % затруднившихся и 4,1 % против) и относительное большинство россиян, проживающих в городах с населением свыше 100 тыс. (5 из 10 респондентов при 28,0 % затруднившихся и 12,0 % против) идею создания экономического союза данными странами одобряют. И это принципиально важно, создаёт устойчивую социальную базу евразийского интеграционного объединения, является залогом его успешного строительства, поддержки формирования единого рынка труда, и социальной стабильности в стране, может способствовать

⁶⁰ Вендина О. Мигранты и московская идентичность // <http://demoscope.ru/weekly/2011/0467/tema07.php> [дата обращения: 3 мая 2012 г.].

⁶¹ Москвичи и петербуржцы: различия в стилях жизни и потребления // СОМКОН. Персонал МИКС. - 2005. - № 4–5. - С. 7–9.

преодолению сепаратизма национально ориентированной элиты. Решение задач модернизации, формирования устойчивой и конкурентоспособной экономической системы, инновационно-технологического прорыва возможно только при поддержке населения, социальной сплоченности социума, а это достигается усилиями по повышению уровня жизни людей, т. е. усилиями в социальной сфере. Социально неудовлетворенные слои и группы могут стать носителями угрозы стабильности и безопасности, а ущемленные, не включенные группы – питательной средой для экстремизма, этнических и религиозных конфликтов

Очень важно, чтобы «евразийство» стало не только идеей элит, но и идеей общества. Конечно, это достигается не общей риторикой о значимости интеграции, а доверием к власти, социальными гарантиями. Люди должны быть уверены, что их интересы в процессе интеграции будут соблюдены. Необходима единая для всех стран программа медийной поддержки проекта, которая может включать информацию о преимуществах интеграции для людей, подкрепленную реальными действиями; позитивную информацию о соседях по Союзу на основе использования современных методов и инструментов информационного продвижения идей: социальных сетей, экспертного сообщества, образования и т. п. Учитывая новые возможности движения рабочей силы в ЕАЭС, важно в рамках социальной политики провести дополнительные мероприятия с целью улучшения знания языка, необходимо усилить внимание к билингвальной языковой подготовке.

Становление евразийской модели социальной политики, безусловно, длительный процесс. Оно будет происходить на всех этапах евразийского развития. Путь от осмысления важности собственной социальной политики ЕАЭС до её правового оформления, продуманного комплекса мер, формирования социальных институтов и руководящих органов управления реализацией социальной стратегии Евразийского союза – это путь экономического и политического успеха ЕАЭС, инструмент обеспечения социальной безопасности и мира. Разработка концепции наднациональной социальной политики и гармонизация законодательств в области нормативного правового регулирования в социальной сфере государств – членов ЕАЭС должны опираться на опыт ЕС и научно обоснованные рекомендации ученых, что позволит социальному взаимодействию стран – членов ЕАЭС приобрести стройную правовую и организационную формы, прочно войти в социальную практику ЕАЭС.

V. Формирование евразийского социального пространства в свете зарубежного интеграционного опыта

В глобализирующемся мире макрорегиональную интеграцию можно рассматривать как метод повышения конкурентоспособности, когда конкурировать между собой станут уже не отдельные национальные экономики, а крупные региональные экономические союзы, практически уже сформировавшиеся на сегодня и значение которых в будущем будет только увеличиваться. Так, продолжается дальнейшая интеграция экономик в Евросоюзе, в Латинской Америке реализуются свои проекты (MERCASUR, «боливарианский альянс» ALBA–TCP), в Северной Америке NAFTA обретает качественно новые черты, можно наблюдать процессы по созданию зоны свободной торговли в Юго-Восточной Азии. Поэтому неудивительна потребность постсоветских стран в интеграционных процессах на евразийском пространстве, в создании такого наднационального объединения, которое бы стало одним из полюсов современного мира, при этом, связывая Европу с Азиатско-Тихоокеанским регионом⁶².

29 мая 2014 г. руководители Беларуси, Казахстана и России подписали договор о создании международного интеграционного экономического объединения под названием Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Позже к договору присоединились Армения и Киргизия. И с 1 января 2015 г. договор о ЕАЭС вступил в действие.

Если СНГ было формой «цивилизованного развода» (В. Путин), то «сшить» разорванное постсоветское пространство и не допустить разбегания республик пробовали через учреждение Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС, 2000 г.) и соглашения о Зоне свободной торговли (ЗСТ, 2011 г.). С 2011 г. начал действовать

---

⁶² Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. - 2011. - 3 октября // [<http://izvestia.ru/news/502761>].

Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России, а с 2012 г. Единое экономическое пространство (ЕЭП).

И вот с созданием ЕАЭС, заменяющим ЕврАзЭС, интеграция выходит на новый этап, обретая новые институциональные формы. При этом не стоит и преувеличивать «судьбоносность» подписанного договора. По сути, важные решения были приняты с формированием Таможенного союза и ЕЭП. Тогда президенты РБ, РК и РФ приняли декларацию о евразийской экономической интеграции, которая стала своего рода «дорожной картой» развития интеграционного взаимодействия⁶³.

Примечательно, что при создании ЕАЭС неоднократно звучали заявления, что этот Союз не предусматривает политической интеграции, не уделялось внимания при подготовке договора и интеграции социальной. По словам Н. Назарбаева, Президента Казахстана, «политизация данного Союза недопустима», «такие направления, как охрана границ, миграционная политика, система обороны, а также вопросы здравоохранения, образования, культуры, правовой помощи по гражданским, административным, уголовным делам не относятся к экономической интеграции и не могут быть перенесены в формат экономического союза»⁶⁴. Таким образом, еще на уровне подготовки договора отвергались какие-либо интеграционные программы в социальной сфере в рамках ЕАЭС.

Однако, что касается социальной политики, то странами – участницами ЕврАзЭС в предыдущие годы уже были приняты и на настоящий момент реализуются межгосударственные и межправительственные акты, направленные на упрощение порядка принятия гражданства и пересечения границ; создание равных условий для получения медицинской помощи; взаимное признание документов о получении образования; создание льготных условий для занятия малым и средним бизнесом и др.⁶⁵. Если в Советском Союзе социальная политика союзных республик носила унифицированный характер в силу общегосударственной собственности на средства производства и централизованной стандартизации законодательства, то теперь нашим странам приходится проводить активные меры по сближению в этой сфере.

Наиболее важным документом в сфере социальной интеграции стала Концепция согласованной социальной политики государств –

⁶³ В Астане подписан договор о создании ЕАЭС // <http://www.rosbalt.ru/business/2014/05/29/1274315.html>.

⁶⁴ Назарбаев раскритиковал политизацию ЕАЭС // <http://news.nur.kz/295894.html>.

⁶⁵ Концепция согласованной социальной политики государств – членов ЕврАзЭС // <http://www.evrazes.com/docs/view/67>.

членов ЕврАзЭС (КССП, 2007 г.)⁶⁶. Согласно КССП, наиболее актуальными проблемами для стран ЕврАзЭС в социально-трудовой сфере остаются: неравномерность распределения доходов; ослабление стимулов к труду и безработица; несовершенство системы социальной защиты; относительно высокий уровень бедности; ухудшение в масштабах ЕврАзЭС демографической ситуации, рост нерегулируемой трудовой миграции. Концепция обращает внимание, что решение указанных проблем осуществляется при различных уровнях социально-экономического развития и моделях социальной политики стран-участниц, что обуславливает необходимость поэтапного продвижения по пути социальной интеграции⁶⁷.

В этой связи процесс социальной интеграции, согласно КССП, направлен на решение следующих задач: обеспечение достойного уровня и качества жизни населения; преодоление бедности; содействие продуктивной занятости; усиление социальной защиты и поддержки наиболее уязвимых слоев населения; использование возможностей институтов гражданского общества и повышение социальной ответственности бизнеса⁶⁸.

Конечной целью реализации КССП должно стать формирование сообщества социальных государств путем ускоренного социально-экономического развития и интеграции государств ЕврАзЭС на базе правового обеспечения в соответствии с национальными конституциями стран-участниц. В качестве главного результата названо «обеспечение единого социального пространства», включая: свободное перемещение граждан и функционирование общего рынка труда; использование системы согласованных социальных стандартов и индикаторов; развитие и гармонизацию системы социального страхования; пенсионное обеспечение граждан, основанное на согласованных принципах и подходах; использование общего образовательного пространства; доступность полного комплекса качественных медицинских услуг и лекарственной помощи; формирование благоприятной для жизнедеятельности окружающей среды; единое пространство для межгосударственных и межнациональных культурных контактов; функционирование общего правового пространства. КССП прописывает и механизмы реализации согласованной социальной политики, предполагающие разработку и поэтапное проведение ряда мероприятий: гармонизация и унификация законода-

---

⁶⁶ КССП была утверждена решением Межгоссовета ЕврАзЭС от 18 апреля 2007 г. № 335 и рекомендована правительствам стран-участников при разработке и реализации национальных проектов и программ в социальной области.

⁶⁷ Концепция согласованной социальной политики государств – членов ЕврАзЭС // <http://www.evrazes.com/docs/view/67>.

⁶⁸ Там же.

тельства; разработка системы социальных гарантий и индикаторов; развитие социального партнёрства и социальной ответственности; институциональное развитие и проведение научных исследований и др.⁶⁹.

Провозглашая «поэтапную интеграцию» и создание «единого евразийского экономического и социального пространства» следует разобратся с очерёдностью форм межстрановой конвергенции. По оценкам специалистов, в настоящее время существуют четыре степени межгосударственной интеграции: (1) зона свободной торговли – отсутствуют ограничения во взаимной торговле, снимаются таможенные барьеры на перемещение товаров между странами – членами ассоциации; (2) таможенный союз – свободное перемещение и товаров и услуг внутри стран ассоциации и единые таможенные тарифы по отношению к третьим странам; (3) общий рынок (международное экономическое сообщество) – свободное перемещение не только товаров и услуг, но и капиталов и рабочей силы; (4) экономический и валютный союз – общая система регулирования экономической политики, общая валютная система. Поэтапная реализация этих четырёх процессов означает полное осуществление экономической интеграции⁷⁰.

Таким образом, на данном этапе страны ЕАЭС вступили в третий этап интеграции (международное экономическое сообщество – «общий рынок»). Объединённая Европа прошла весь этот путь в прошедшие десятилетия, поэтому опыт интеграции европейских стран, в частности, опыт становления социальной системы в Евросоюзе может оказаться полезным. Поэтому рассмотрим основные этапы интеграции европейского пространства, отдельно обращая внимание, как на принципы интеграции, так и на социальную политику.

Сегодня Европейский союз (ЕС) представляет собой надгосударственное объединение 28 европейских стран, экономический и политический союз с единой валютой, парламентом, исполнительными органами (Европейской комиссией). Но такие формы он обрёл постепенно в процессе послевоенных десятилетий интеграции. Причем, окончательная модель уточнялась и формировалась на протяжении самого процесса. По словам Ж. Делора, бывшего председателя Еврокомиссии, процесс интеграции Европы носил беспрецедентный характер и не был ориентирован ни на какую модель⁷¹.

⁶⁹ Концепция согласованной социальной политики государств – членов ЕврАзЭС // <http://www.evrages.com/docs/view/67>.

⁷⁰ Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. / Под ред. П. А. Цыганкова. - М.: Альфа-М, Инфра-М, 2008. - С. 236–237, 246–247.

⁷¹ Там же. - С. 263.

На поиск путей интеграции подтолкнула не только необходимость развития хозяйственных связей между странами Западной Европы в целях восстановления разрушенного войной хозяйства, но и потребность в закреплении долгосрочного мира в Европе и предотвращении новой войны. К тому же, следует учесть и послевоенную политическую ситуацию, когда в условиях дуполярной системы международных отношений мир оказался разделённым между сверхдержавами на сферы влияния, а европейские страны утратили в значительной степени своё влияние, вдобавок, в результате распада системы колониализма они теряли существенные рынки сбыта и источники сырья. В этих обстоятельствах интеграция служила повышению субъектности Западной Европы.

Таким образом, в послевоенные годы в Европе возникают первые наднациональные организации: Организация европейского экономического сотрудничества (1948), созданная для координации проектов экономической реконструкции Европы в рамках плана Маршалла (позднее – Организация экономического сотрудничества и развития, ОЭСР); таможенный союз Бенилюкс – Бельгия, Нидерланды, Люксембург (1948); первая политическая организация – Совет Европы (1949), созданный «для защиты и продвижения идеалов и принципов, являющихся общим наследием, и содействие экономическому и социальному прогрессу <...> через посредство органов Совета путём рассмотрения вопросов, представляющих общий интерес, заключением соглашений, проведением совместных действий в экономической, социальной, культурной, научной, юридической и административной областях, равно как и путём защиты и развития прав человека и основных свобод»⁷². Решения Совета Европы носили рекомендательный характер и если первоначально было заявлено, что он займётся сотрудничеством в сфере экономики, социального развития, культуры, законодательства, науки и техники, то впоследствии его деятельность была сосредоточена на вопросах обеспечения прав человека (в частности, Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Европейская социальная хартия были выработаны Советом Европы).

Но реальный процесс объединения Европы получил развитие после того, как Ж. Монне, генеральным комиссаром по вопросам планирования Франции, был разработан, а Р. Шуманом, министром иностранных дел Франции, обнародован план объединения франко-германской каменноугольной, железорудной и металлургической промышленности под руководством единого наднационального органа. Помимо экономических «план Шумана» затрагивал и вопросы кол-

---

⁷² Международные акты о правах человека. / Сборник документов. - М., 1998. - С. 537.

лективной безопасности: чтобы сделать невозможной подготовку новой войны в Европе, ключевые отрасли тяжелой промышленности переводятся под международный контроль с помощью договора, носящего обязательный характер с точки зрения международного права: «Продукция, выпущенная общими усилиями, станет гарантией того, что какая-либо война между Францией и Германией не только немыслима, но и невозможна по материальным соображениям»⁷³.

«План Шумана» (или, точнее, Монне – Шумана) определял как ближайшую задачу – объединение угля и стали, так и стратегическую цель – создание европейской федерации, и, самое главное, метод интеграции: «Европа не возникнет сразу и в целостном виде, она появится на основе конкретных дел, создающих, в первую очередь, фактическую солидарность»⁷⁴. По словам Ж. Монне, «мы объединяем людей, не государства» и предсказывать, какую конечную форму обретёт европейское сообщество, значило бы вступить в противоречие с его пониманием, как процесса изменений⁷⁵. Метод интеграции, по Монне – Шуману, не сразу, а поэтапно, путём перехода от более узких сфер интеграции к более широким, впоследствии получил наименование «коммунитарного»⁷⁶. Методологически такой подход «конкретных дел», когда внимание в первую очередь уделяется детальному обсуждению всех промежуточных шагов и решений при самом общем и весьма туманном обозначении конечной цели, восходит к концепции функционализма британского политолога Д. Митрани, претворяя идею функционализма о постепенном, поэтапном, умеренном отказе государств от части своего национального суверенитета в пользу общих надгосударственных структур, которые берут на себя функцию удовлетворения совместных политических и экономических интересов. Заметим, что и евразийская интеграция следует тем же принципам.

Первым шагом европейской интеграции, первым «конкретным делом» стал, согласно плану Шумана, Парижский договор (1951) об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), подписанный Францией, ФРГ, Италией и странами Бенилюкса. Свое продолжение этот процесс получил с подписанием странами – участниками ЕОУС Римских договоров (1957), учредивших еще два «ев-

⁷³ Евробюллетень. - 2010. - № 3(8). - С. 2 // http://ec.europa.eu/delegations/belarus/documents/press_corner/eurobulletin/eurobulletin_3_may2010_be.pdf.

⁷⁴ Шуман Р. За Европу. М., 2002. - С. 90.

⁷⁵ Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации. / Под ред. П. А. Цыганкова. - М.: Альфа-М, Инфра-М, 2008. - С. 263.

⁷⁶ Кошкин С.Ю., Четвериков А. О. Комментарии // Конституция Европейского союза: договор устанавливающий конституцию для Европы. / Отв. ред. С. Ю. Кошкин. - М.: Инфра-М, 2005. - С. 8, 98.

ропейских сообщества»: Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское сообщества по атомной энергии (Евратом), к которым впоследствии присоединились и другие страны. Было заявлено, что целью существования всех трёх европейских сообществ является: содействие экономическому подъёму, повышение жизненного уровня с целью предупреждения войны, укрепление мира и свободы, образование «как никогда более тесного союза народов Европы»⁷⁷.

В эти годы идут концептуальные дискуссии о путях, приоритетах и методах европейской интеграции: экономической или политической. Так, сторонники концепции федерализма отдавали приоритет политическим формам интеграции, выдвигали на первый план «договорной отказ от централизма», построение наднациональных политических институтов, которым национальные власти должны передать широкие полномочия. Конечной целью стало бы построение общеевропейской федерации, «Соединённых Штатов Европы». Основу европейского единства «федералисты» видели в общеевропейском культурном наследии, что должно было обеспечивать базис для политического объединения. Базовыми принципами стали бы: двойное гражданство в условиях существования центрального и регионального правительств, многообразие роли региональных правительств, учет как центристских, так и центробежных тенденций, заложенных в федерализме. Представители федерализма обращали внимание на роль политической воли участников интеграции, на распределение полномочий между различными уровнями как гарантии против возможных злоупотреблений властью со стороны центра⁷⁸.

Принципиальными оппонентами федералистов были сторонники функционализма, считавшие, что интеграция должна начинаться с экономической сферы и только потом распространяться на политику. Обновлённая концепция функционализма (неофункционализм) получила изложение в работе Эрнста Хааса «Объединение Европы: политические, экономические и социальные силы 1950—1957», став ведущей теорией европейской интеграции. Важное различие с классическим функционализмом Д. Митрани состояло в том, что на первый план выдвигалась политика, стремление к политическому сотрудничеству, но через сотрудничество экономическое. Представители неофункционализма полагают, что потребности сотрудничества в конкретных сферах способны привести к возникновению специализированных наднациональных институтов, необходимых

---

⁷⁷ Пашков А. В. Европейская социальная политика. - К.: Глобус, 1999. - С. 7.

⁷⁸ Мировая политика и международные отношения. / Под ред. С. А. Ланцова, В. А. Ачкасова. - СПб.: «Питер», 2008. - С. 104–105.

для их координации, и ускорению процессов политической интеграции. Начало процесса они видят в отдельных экономических проектах, для которых достаточно сходства интересов государств в этой области, но не отказа от собственной политики⁷⁹. Очевидно, что данная парадигма актуальна и для интеграции постсоветского евразийского пространства.

По мнению политолога Карла Дойча, автора «плюралистической» концепции интеграции, существуют два типа политических объединений «амальгамное» и «плюралистическое». Амальгамное сообщество – это объединение ранее независимых государственных единиц под общим управлением. Дойч подчеркивает существенную разницу между интеграцией и амальгамацией. Интеграция подразумевает формирование полноценного сообщества, в то время как амальгама, прежде всего, включает создание формальной организации, учреждение политических институтов. Таким образом, амальгама может существовать и без интеграции, без наличия чувства общности (в качестве примера приводят ситуацию в постсоветской Молдавии с Республикой Молдова и ПМР)⁸⁰.

Плюралистическое же объединение не обязательно предусматривает наличия общих формализованных политических институтов. Последователи Дойча, Эмануэль Адлер и Майкл Барнетт, следующим образом определяют плюралистическое объединение: «государства – члены данного сообщества должны быть носителями общих базовых ценностей, выработанных общественными и политическими институтами; государства должны быть готовы и способны быстро и адекватно реагировать на изменения во взаимоотношениях, что достигается за счет лояльности друг к другу и наличия чувства общности; помимо этого, государства должны быть интегрированы между собой до той степени, чтобы они не видели иного варианта развития взаимоотношений, кроме мирного»⁸¹. Для Адлера и Барнетта сообщество безопасности, основанное на прочной уверенности его членов в мирном развитии взаимоотношений, не может появиться, если нет взаимного доверия и общей идентичности среди его участников. Дойч и его последователи сходятся в том, что чувство общности должно вначале возникнуть в головах людей, а лишь потом быть воплощено в той или иной форме в межгосударственных отношениях. Считается, что данное «чувство общности»

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Нефёдова Е. В. Теория сообщества безопасности в работах Карла Дойча и его последователей // Вестник Томского государственного университета. - 2008. - № 6 (3). - С. 86.

⁸¹ Adler E., Barnett M. Security Communities in Theoretical Perspective // Security Communities. / Ed. by E. Adler & M. Barnett. - Cambridge: Cambridge University Press, 1998. - P. 7.

появляется в результате тесного взаимодействия между представителями национальных обществ, благодаря чему они лучше узнают друг друга и проникаются взаимным доверием⁸². Очевидно, что и в случае с интеграцией стран Евросообщества и в случае интеграции Евразийского экономического союза мы сталкиваемся с примерами плюралистических моделей объединения.

Вокруг европейских сообществ формировались и политические институты: в 1957 г. создаётся Европейская парламентская ассамблея, затем, год спустя, Суд ЕОУС, созданный в 1952 г., был переименован в Суд Европейских сообществ (ныне – Суд Евросоюза). Следующим важным шагом стал Брюссельский договор («договор слияния», 1965 г.) по которому с 1967 г. руководящие органы ЕЭС, ЕОУС и Евратома объединялись под началом Комиссии еврообществ (ныне – Европейская комиссия) и Совета министров ЕЭС. Начинает функционировать и таможенный союз шести стран ЕЭС (1968).

Что касается социальной политики европейского сообщества, то её принципы были отмечены еще при создании ЕОУС, но более чётко обозначены с учреждением ЕЭС. К числу основных социальных целей были отнесены: обеспечение социального прогресса, устойчивый рост уровня жизни, высокий уровень занятости, улучшение условий жизни и труда, гармонизация социальных условий и социального законодательства стран-участниц и содействие развитию остальных регионов. Конкретные задачи подразумевали: свободное перемещение рабочей силы внутри ЕЭС, устранение дискриминации в вопросах найма, оплаты и других условий труда; модернизация национальных систем подготовки рабочих кадров, разработка принципов общей политики в области профессионального обучения и с целью формирования единого рынка труда; финансирование в рамках ЕОУС программы по профессиональной переподготовке или перемещению рабочих, вытесненных из производства в результате последствий интеграции; реализация принципа равной оплаты за равный труд – мужской и женский⁸³.

Однако, по оценкам специалистов, социальная программа еврообществ на этом первом этапе интеграции носила во многом декларативный характер и отличалась противоречивостью в целях (политические – социальный консенсус, практические – приспособление рынка рабочей силы к новым условиям хозяйствования). В то время страны – участницы европейских сообществ еще не были готовы к принятию единой согласованной социальной политики, более того,

---

⁸² Нефёдова Е. В. Теория сообщества безопасности в работах Карла Дойча и его последователей // Вестник Томского государственного университета. - 2008. - № 6 (3). - С. 87.

⁸³ Пашков А. В. Европейская социальная политика. - К.: Глобус, 1999. - С. 19–20.

существовали мнения, что она может помешать конкурентоспособности национальных экономик и ущемлять национальные суверенитеты⁸⁴.

Примечательным фактом на этом этапе евроинтеграции стало принятие Европейской социальной хартии (1961), Конвенции, закрепляющей социальные права человека, которая вступила в силу в 1965 г. В 1996 г. принята, а в 1999 г. вступила в силу Пересмотренная Европейская социальная хартия — документ, сосуществующий с Хартией-1961 (некоторые страны ратифицировали только первый документ, а некоторые — только новый)⁸⁵. Но, по оценкам специалистов, даже после внесённых в хартию в 1996 г. дополнений и обновлений, она имеет общий декларативный характер, не предписывающий обязательств участникам договора⁸⁶.

Постепенно, под давлением рабочего движения, социальная политика выдвигается в число более важных направлений деятельности еврообществ, что, в конечном счете, выразилось в увеличении финансирования и расширении сферы деятельности. Были пересмотрены и концептуальные представления о взаимосвязи хозяйственной интеграции и социального развития, и правовые основы социальной политики и практическая деятельность в этой области. В частности, пришло понимание необходимости активной наднациональной социальной политики и в качестве фактора, способствующего формированию экономического и валютного союза и как одного из главных звеньев будущей европейской системы регулирования экономики. Парижская встреча глав государств и правительств стран — участниц ЕЭС (1972) стала первой встречей на высшем уровне, где социальные аспекты интеграции стояли на повестке дня в качестве одной из основных тем. На этом заседании был поставлен вопрос о разработке общеевропейской политики, которая охватывает наиболее важные социальные проблемы государств еврообщества и рассматривает их в комплексе с основными направлениями дальнейшей интеграции. Была принята формулировка, согласно которой цель интеграции должна состоять в создании «социальной Европы», «Европейского социального союза». Таким образом, и формально и фактически начался новый этап европейской социальной политики⁸⁷. И, начиная с этого времени, было разработано более 50 директив в области трудовых прав работников, рег-

⁸⁴ Там же. - С. 20–21.

⁸⁵ РФ ратифицировала Пересмотренную Хартию в октябре 2009 г., признав обязательными для себя из положений ч. II Хартии ст. 1, 3, 5–11, 14, 16, 17, 20–22, 24, 27–29 полностью, 2, 4, 12, 15, 18, 19 частично (всего 68 пунктов).

⁸⁶ Совместимы ли социальные модели России и ЕС? - М., 2005. - С.16.

⁸⁷ Пашков А. В. Европейская социальная политика. - К.: Глобус, 1999. - С. 27–30.

ламентирующих уровень оплаты труда, продолжительность труда и отдыха, продолжительность оплачиваемого отпуска и др.⁸⁸. Представляется, что данный опыт важен и для государств ЕАЭС.

В 1987 г. вступил в силу Единый европейский акт (ЕЕА), ориентировавший страны евросообществ на углубление экономической конвергенции и создание общего рынка к концу 1992 г., а следующий важный шаг интеграции был заявлен подписанием Маастрихтского договора (1992) о Европейском союзе. Так на фундаменте трёх европейских сообществ с 1993 г. возник Евросоюз (ЕС), создание которого привело к экономическому и валютному союзу. Относительно же интеграции социальной политики ЕС на современном этапе можно отметить, что хотя решение социальных проблем остаётся в ведении каждого отдельного государства, продолжаются поиски путей унификации социальных систем, гармонизации социальных отношений в ЕС. В совершенствовании социальной политики всё больше внимания уделяется социальной ответственности бизнеса, помимо основных субъектов социального партнёрства возрастает роль неправительственных организаций (НПО).

Выработке общей социальной модели в объединённой Европе способствует наличие следующих факторов: общее интегрированное экономическое пространство с единой валютой, способствующее экономической и социальной стабильности развития и усиления мировых позиций Европы; общие социально-демографические тенденции на всей территории Европы (увеличение продолжительности жизни населения, снижения рождаемости, рост участия женщин в трудовой и общественной жизни, уменьшение средней численности семьи, увеличение численности безработных); развитие процессов глобализации и информационных технологий, требующее изменений в формах организации труда и повышения требований к мобильности рабочей силы⁸⁹.

Согласно Лиссабонской декларацией развития ЕС в XXI в. должна быть построена «экономика знаний», динамичная, способная обеспечить устойчивый рост экономики, сопровождаемый социальным сплочением. Предполагалось формирование вслед за экономическим, и других единых европейских пространств: образовательного, научно-технологического, информационного, социального⁹⁰. Так создана ли Европейская социальная модель (ЕСМ)? Тут мнения поляризовались: для одних такая модель не только существует, но и яв-

⁸⁸ Церкаевич Л. В. Современные тенденции социальной политики в странах Европейского союза. - СПб.: Из-во СПбГУЭФ, 2002. - С. 125.

⁸⁹ Там же. - С. 125–126.

⁹⁰ Социальная Европа в XXI веке (Старый свет – новые времена) / Под ред. М. В. Каргаловой. - М.: «Весь мир», 2011. - С. 173–174.

ляется образцом общественного устройства, для других существуют несколько различных моделей, имеющих между собой мало общего. Так, Гюнтер Ферхойген, вице-президент Еврокомиссии и еврокомиссар по вопросам предпринимательства и промышленности в 2004–2010 гг., утверждал, что единой ЕСМ не существует, поскольку у каждой страны свои традиции⁹¹.

Приводятся аргументы, что социальные системы в ЕС во многом несовместимы и наибольшее различие между странами ЕС наблюдается именно здесь. Основной проблемой ЕС в социальной сфере остаётся наличие межгосударственных разногласий в области согласования законодательств стран-участниц в этой сфере⁹². Общая социальная политика ЕС носит скорее рекомендательный характер и, таким образом, создание «социальной Европы» отстаёт от темпов экономической и валютной интеграции. Единое социальное пространство ЕС весьма далеко от реального воплощения. Да и в целом, несмотря на все декларации, социальная политика не является главным приоритетом Евросоюза. В таких странах как ФРГ, Франция, Италия, Австрия идёт реформирование социальной сферы. И, к примеру, реформы в ФРГ проводятся без учёта перспектив единого европейского социального пространства, поскольку в первую очередь правительство руководствуется интересами национальной экономики. Решения принимаются исходя из учёта ситуации, в которой находится хозяйство страны и из возникающих вызовов, в том числе и вследствие интеграционных процессов⁹³.

На сегодняшний день, специалисты обычно выделяют три модели обнаруживающих различие в социальной политике европейских государств: «нордическую», «континентальную» и «островную».

1. «Нордическая» (скандинавская, социал-демократическая, «шведского социализма») модель отличается принципом эгалитаризма в социальной политике. Социал-демократический тип социальной политики: главным регулятором социально-экономической жизни выступает государство. Социальная политика носит активный упреждающий характер. Большинство социальных программ финансируется через бюджет посредством налоговых сборов. Система охватывает Данию, Швецию, Финляндию, а также и Норвегию (не член ЕС)⁹⁴.

2. «Континентальная» («корпоративистская», «патерналистская», «социального рыночного хозяйства») модель, в основе которой ле-

⁹¹ Там же. - С. 179.

⁹² Пашков А. В. Европейская социальная политика. - К.: Глобус, 1999. - С. 95.

⁹³ Совместимы ли социальные модели России и ЕС? - М., 2005. - С. 8–9.

⁹⁴ Церкаевич Л. В. Социальная политика и стратегия её реализации в странах Европейского союза. - СПб. Изд-во СПбГУЭФ, 2003. - С. 63–65, 105–106.

жит принцип профессиональной солидарности, стремление сохранить статус профессиональных групп и категорий, используя механизм поддержки уровня доходов, гарантированного системой социального обеспечения. Охватывает Австрию, Бельгию, Германию, Францию, Нидерланды, Люксембург. «Консервативный» тип социальной политики: корпоративное страхование и развитая система социальной поддержки, социальное перераспределение доходов и социальная солидарность, в том числе солидарность поколений, поскольку значительная часть выплат уходит на поддержку пенсионеров. В отличие от «нордической» модели здесь больше вес рыночных механизмов и предполагается сосуществование идеи конкуренции и договорной характер ведущих социально-экономических условий труда (например, зарплаты)⁹⁵. Основной источник финансирования социальных программ – социальные взносы предпринимателей и наёмных работников. Реализация социальных выплат осуществляется через относительно автономные от государства структуры⁹⁶.

3. «Островная» (англосаксонская, либеральная) модель, ориентированная на индивидуальное решение социальных проблем и уделяющая существенное значение негосударственным благотворительным фондам. «Либеральный» тип социальной политики: в организации социальной защиты не государству, а рынку предоставляется преимущество в управлении механизмом распределения ресурсов. Поддерживается частная благотворительность путём снижения налога на дарителя. Государство здесь не эгалитаристское и меньше, чем в предыдущих моделях вмешивается в перераспределительные процессы. Система охватывает Великобританию и Ирландию, а также Швейцарию (не член ЕС). Финляндия с 1980 г. проделала путь от «островной» модели к «нордической»⁹⁷.

4. Кроме того, по мнению ряда специалистов (М. В. Каргалова, Е. Н. Егорова), существует и четвертая модель европейской социальной политики: «средиземноморская» («южноевропейская»). Система охватывает Испанию, Италию, Грецию, Португалию. Основные направления их социальной политики близки к «континентальной» модели, но имеют свою специфику: большая часть социальных расходов идёт на выплату пенсий, в то время как поддержку семей, материнства, образование и пособия по безработице затрачиваются весьма незначительные средства. Поэтому уровень социальной за-

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Каргалова М. В., Егорова Е. Н. Социальное измерение европейской интеграции (Общие пространства России – ЕС: право, политика, экономика. - Вып. 7). М.: «Аксиом», 2010. - С. 13–14.

⁹⁷ Церкаевич Л. В. Социальная политика и стратегия её реализации в странах Европейского союза. - СПб.: Из-во СПбГУЭФ, 2003. - С. 64–65.

щищенности в странах «средиземноморской модели в целом относительно невысок. В лучшем положении оказываются госслужащие, в то время как представители других профессий чувствуют себя ущемлёнными⁹⁸.

В то же время другие авторы (Л. В. Церкасевич) не считают необходимым выделять отдельный «средиземноморский» тип социальной политики, указывая, в частности, что Италия по ряду характеристик своей социальной политики, таких, как степень «бюрократизации благосостояния» (доля госслужащих, занятых в государственной системе социального обслуживания, здравоохранения и образования ко всему экономически активному населению) и индекс «декоммодификации» (зависимость индивидуального благосостояния от условий рынка) относится к «островной» модели, а по «бюджету благосостояния» (доля государственных расходов на социальные нужды в процентах от ВВП страны) эта страна сближается с «континентальной» моделью⁹⁹.

Если говорить о единой ЕСМ, то в пользу её существования говорит тот факт, что основные ценности, на которые опирается социальная политика в странах Евросоюза в той или иной форме разделяются всеми национальными моделями. Для уяснения сути европейской модели была создана специальная рабочая группа, плодом которой стал документ, озаглавленный «Платформа предложений по реформе европейской социальной модели»¹⁰⁰. Ею были сформулированы принципы ЕСМ, присутствующие в локальных национальных моделях социальной политики и не оспариваемые никем: социальная справедливость, социальная безопасность, социальное сплочение (солидарность), конкурентоспособная экономика и экономический прогресс, благоприятная для общества экология, демократия и человеческое достоинство¹⁰¹. Владимир Шпидла, чешский политик и еврокомиссар по вопросам занятости, социальной политики и равным возможностям в 2004–2010 гг., утверждает, что ЕСМ базируется на наборе общих фундаментальных ценностей, таких, как приверженность демократии, отказ от любых форм дискриминации, всеобщий доступ к образованию, высококачественное и общедоступное здравоохранение, гендерное равенство, солидарность и

⁹⁸ Каргалова М. В., Егорова Е. Н. Социальное измерение европейской интеграции (Общие пространства России – ЕС: право, политика, экономика. - Вып. 7). М.: «Аксиом», 2010. - С. 15.

⁹⁹ Церкасевич Л. В. Современные тенденции социальной политики в странах Европейского союза. - СПб.: Из-во СПбГУЭФ, 2002. - С. 61–62.

¹⁰⁰ European Group of Search – European Social Model (ESM-Project). For a Reform of the ESM. Proposal Reform. - Rome. – 2007. - 1st August.

¹⁰¹ Социальная Европа в XXI веке (Старый свет – новые времена) / Под ред. М. В. Каргаловой. - М.: «Весь мир», 2011. - С. 176, 180, 183.

справедливость, признание роли социальных партнеров и социального диалога¹⁰². Собственно на декларативном уровне большинство этих положений нашли отражение и в документах по социальной политике ЕАЭС.

Но говоря о достижениях в европейской социальной политике, стоит обратить внимание на существующую там систему социальных индикаторов и показателей. Так, шведскими специалистами было внесено в национальный, а затем и в широкий общеевропейский оборот ключевое для социальной политики понятие «социальной проблемы», впервые предложенное экспертной группой ООН в 1961 г., как состояния «нужды в жизненном положении человека, которое может быть устранено действиями общественных институтов». Итак, к числу таких социальных проблем, актуальных в современном обществе и требующих вмешательства и разрешения относят: проблемы, связанные с детьми и молодежью (выбор профессии, молодежная безработица, асоциальные, педагогически запущенные дети и др.); с материнством и семейной жизнью (семейные конфликты, одинокие матери, разводы, семьи с детьми с нарушениями развития и инвалидами и др.); со старостью (экономические проблемы стариков, адаптация к жизни пенсионера, изоляция от окружающих, уход за пожилыми людьми); с инвалидностью и болезнью (реабилитация инвалидов, уход и др.); с профессиональной жизнью (профессиональная адаптация, переквалификация, низкая зарплата, производственный травматизм и др.); с отклоняющимся поведением; с социальными и экономическими изменениями (миграция, урбанизация, локализация определенных социальных групп и др.); с природными и политическими потрясениями (наводнения, землетрясения, жертвы войн, беженцы и вынужденные переселенцы); с социальными меньшинствами (этнические и религиозные группы)¹⁰³. Подобная классификация социальных проблем может быть инструментально востребована и в странах ЕАЭС при определении индикаторов и показателей эффективности социальной политики, выявлении адресатов социальной помощи и т. п.

Ну и, наконец, говоря о факторах снижения эффективности имеющихся моделей социальной политики ЕС, эксперты называют следующие.

1. Глобализация и обострение мирохозяйственной конкуренции создают угрозу европейской модели социального государства с помощью социального демпинга. В продаже появляется много конкурентоспособных дешёвых товаров из стран, где ниже оплата труда и

¹⁰² Там же. С. 179.

¹⁰³ Церкаевич Л. В. Социальная политика и стратегия её реализации в странах Европейского союза. - СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. - С. 73–74.

ниже социальные расходы. Вследствие этого в условиях глобализации европейские капиталы стали перемещаться такие страны (Юго-Восточная Азия, Центральная и Восточная Европа и др.).

2. Демографическая ситуация – долгая продолжительность жизни при низкой рождаемости в Европе приводит к тому, что число плательщиков в пенсионную систему становится меньше, а число получателей всё больше (к примеру, в США при той же продолжительности жизни больше молодёжи).

3. Высокая степень социальной защиты снижает стремление к более производительному труду. Таким образом, ставятся препятствия для роста эффективности европейской экономики¹⁰⁴.

Также можно добавить, что демографическая ситуация становится еще более угрожающей, поскольку усугубляется массовой иммиграцией из стран «третьего мира», также претендующей на социальные пособия, что, несмотря на все программы толерантности, возбуждает в европейском обществе инстинкт национального самосохранения и, как результат, ведёт к росту шовинизма и ксенофобии.

Учёт этого европейского опыта, в том числе совершённых ошибок становится важным и при выстраивании социальной политики в странах ЕАЭС. Ведь отечественная миграционная политика фактически направлена на привлечение рабочей силы для замещения невостребованных вакансий малоквалифицированного физического труда. Проблема в том, что такие трудовые мигранты способствуют консервации низкооплачиваемых рабочих мест, что отражается на всём рынке труда и, в конечном счете, препятствует модернизации экономики.

Итак, подведём итоги. Европейская система социальной политики – плод длительной интеграции. До сих пор среди специалистов и политиков нет единого мнения, можно ли говорить об обще-европейской социальной модели или, по крайней мере, о трёх различных региональных моделях, связанных с социал-демократическим, консервативным и либеральным пониманием социальной политики. В пользу Европейской социальной модели говорит наличие общих принципов в той или иной форме разделяемых и всеми локальными моделями социальной политики: социальная справедливость, социальная безопасность, социальная солидарность, конкурентоспособная экономика и экономический прогресс, благоприятная для общества экология, демократия и человеческое достоинство.

В то же время объективные факторы (наличие общего экономического и валютного пространства; схожие социально-демографические тенденции; развитие процессов глобализации и информацион-

¹⁰⁴ Совместимы ли социальные модели России и ЕС? - М., 2005. - С. 14–16.

ных технологий, требующее изменений в формах организации труда и повышения требований к мобильности рабочей силы) могут как способствовать выработке общей социальной модели в ЕС, так и содержать в себе потенциальные препятствия к эффективности европейской социальной политики. Что касается постепенной унификации национальных законодательств в этой области, то поскольку интегрированная социальная политика исходит из рекомендаций наднациональных органов, то такие решения могут игнорироваться. Таким образом, интеграция ЕС в области социальной политики отстаёт от экономической и даже политической конвергенции европейского пространства.

Это следует учитывать при построении интеграционной модели социальной политики в странах ЕАЭС, поскольку ситуация с формированием единой социальной политики стран ЕАЭС соответствует ранним этапам развития европейской интеграции, когда вопросам социальной политики уделялось недостаточное внимание. Если в Европе 1960-х гг. проблемы усиления социальной политики решались путём массовых выступлений трудящихся, то в условиях неразвитости рабочего и профсоюзного движения в сегодняшней РФ, РБ и РК эффективность такого пути гораздо ниже.

В то же время в условиях внешнеэкономических санкций со стороны стран Запада (включая ЕС), с которыми столкнулась РФ в 2014 г. и с которыми сталкивается Республика Беларусь на протяжении ряда лет, переход на стандарты ЕС в социальной политике, включая положения «Европейской социальной хартии» представляется скорее химерическим. При этом, в ситуации потенциальной изоляции наших стран со стороны Запада скорее будут проявляться те или иные мобилизационные формы, что, в конечном счете, повышает нормы эксплуатации труда. С другой стороны, сложная международная обстановка диктует потребность в повышении социальной солидарности и снижения социальной напряженности. И здесь вполне следует ожидать инициатив со стороны государства, обращающегося к активной социальной политике.

VI. Миграционный обмен на пространстве ЕАЭС: современное состояние и перспективы

Интенсивность миграции на постсоветском пространстве зависит не только от *дифференциации* социально-экономического развития государств-доноров и государств-реципиентов. Большое воздействие на них оказывают *интеграционные процессы*. В особенности это касается *трудовой миграции*. Создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включение в его состав в ближайшем будущем новых государств приведет к определенным изменениям на российском рынке труда. В особенности это будет заметно после присоединения к ЕАЭС Киргизии, которая является одним из главных миграционных доноров России. В значительной степени это касается и Армении. Для того, чтобы оценить последствия для российского рынка труда от создания ЕАЭС, остановимся на тех нормативно-правовых изменениях, которые последовали после подписания Договора о Евразийском экономическом союзе.

Миграционные потоки из бывших советских республик, как правило, направлены в Россию, что является одной из предпосылок для интенсификации интеграционных процессов. «Локомотивом» данного сближения выступает экономика. Начиная с 2010 г., интеграция получила новый импульс, в результате появления различных форм международного экономического сотрудничества на постсоветском пространстве: Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз (табл. 3).

Миграционные процессы также не остались в стороне. Были подписаны международные договоры и соглашения по вопросам регулирования в этой области. Безусловно, участие России в таком экономическом союзе как ЕАЭС предусматривает не только экономическую интеграцию с бывшими советскими республиками, но и правовую. Особый интерес вызывает необходимость преобразования миграционного законодательства всех стран-участниц и формирование общей миграционной политики.

Таблица 3

Интеграционные процессы
на постсоветском пространстве
2010–2014 гг.

	Таможенный союз	Единое экономическое пространство	Евразийский экономический союз
Год создания	2010	2012	2014
Участники	Россия, Беларусь, Казахстан	Россия, Беларусь, Казахстан	Россия, Беларусь, Казахстан
Кандидаты	Киргизия, Таджикистан, Армения, Сирия, Абхазия, Осетия, Приднестровская Молдавская Республика	Киргизия, Армения, Абхазия	Киргизия, Армения
Цели и задачи	Создание единой таможенной территории, в пределах которой применяется единый таможенный тариф и другие единые меры торговли с третьими странами	Создание условий для стабильного и эффективного развития экономик государств-участников и повышения уровня жизни населения	Укрепление экономик стран-участниц, их сближение друг с другом, модернизация и повышение конкурентоспособности стран на мировом рынке
Базовые документы	Таможенный кодекс Таможенного союза	17 базовых соглашений	Договор об экономическом союзе

По своей природе Договор о Евразийском экономическом союзе обладает признаками кодифицирующего документа, так как он включает себя нормы различных международных соглашений, которые были заключены с Беларусью и Казахстаном на протяжении всех лет после распада СССР. Даже структура договора подтверждает это: четыре части, две из которых посвящены Таможенному союзу и Единому экономическому пространству.

Говоря о действии данного документа во времени, стоит подчеркнуть, что в соответствии с его ст. 113 дата вступления договора в юридическую силу тождественна с датой получения депозитарием последнего уведомления о выполнении государствами-членами необходимых внутригосударственных процедур. Также отмечается, что после его вступления в силу будут прекращены действия международных договоров, заключенных в рамках формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства¹⁰⁵.

Согласно ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации, международные договоры являются составной частью нашей правовой системы, более того установлен приоритет международного права. Так, если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора¹⁰⁶. Имея это в виду, важно избежать коллизий между нормами международного права и нормами российского законодательства.

Ниже мы попытались проанализировать положения вышеупомянутого Договора, осветить изменения в российском миграционном законодательстве, которые непосредственно касаются правового положения трудовых мигрантов из стран ЕАЭС, а также сравнить их порядок пребывания с гражданами других стран ближнего зарубежья.

Во-первых, государства – члены ЕАЭС должны осуществлять сотрудничество по согласованию политики в сфере регулирования трудовой миграции в рамках Союза, а также по оказанию содействия организованному набору и привлечению трудящихся-мигрантов на территории Союза.

---

¹⁰⁵ Приложение № 33 к Договору о ЕАЭС «Протокол о прекращении действия международных договоров, заключенных в рамках формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства, в связи с вступлением в силу Договора о Евразийском экономическом союзе» // СПС Консультант Плюс.

¹⁰⁶ Конституция РФ (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 31. - Ст. 4398.

Договор о Евразийском экономическом союзе выделяет следующие формы взаимодействия государственных органов государств-участниц:

- 1) согласование общих подходов и принципов в сфере трудовой миграции;
- 2) обмен нормативными правовыми актами;
- 3) обмен информацией;
- 4) реализация мер, направленных на предотвращение распространения недостоверной информации;
- 5) обмен опытом, проведение стажировок, семинаров и учебных курсов;
- 6) сотрудничество в рамках консультативных органов.

Данный перечень не исчерпывающий, поэтому могут быть определены иные формы сотрудничества в сфере миграции, что расширяет систему взаимоотношений органов миграционного контроля. Стоит отметить, что в Договоре не указаны общие органы трудового миграционного контроля. Таким образом, у каждой страны своя система контроля за трудовой миграцией.

Во-вторых, упрощается порядок перемещения физических лиц Беларуси, Казахстана и России (п. 35 Договора). На самом деле, на территории России уже сделан ряд исключений для граждан Беларуси и Казахстана. Как и другие иностранные работники, граждане Республик Беларусь и Казахстан подлежат постановке на миграционный учет согласно Федеральному закону № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»¹⁰⁷. Порядок постановки на учет граждан этих государств такой же, как и для временно пребывающих иностранных граждан, но срок уведомления миграционной службы иной. Так, для большинства иностранных работников, например, для граждан Украины, он составляет семь рабочих дней с даты прибытия. А для граждан Беларуси и Казахстана этот срок увеличен до 30 суток со дня въезда, что установлено странами в п. 5 Соглашения о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей¹⁰⁸. Эта же норма также будет действовать после создания ЕАЭС, но содержаться она будет уже в Договоре о Евразийском экономическом союзе (п. 6, ст. 97).

В-третьих, государства обязуются не применять на своих территориях и не вводить ограничения, связанные с наймом работников.

---

¹⁰⁷ Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 г.) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2006. - № 30. - Ст. 3285.

¹⁰⁸ Пункт № 5 Соглашения о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей (заключено в г. Санкт-Петербурге 19 ноября 2010 г.) // Бюллетень международных договоров. - 2013. - № 6. - Июнь.

Трудовая деятельность иностранных граждан на территории России подлежит обязательному квотированию. Согласно Закону № 115, ежегодно устанавливаются:

- квота на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности;
- квота на выдачу иностранным гражданам, прибывших в безвизовом порядке, разрешений на работу.

Размер квот на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности определяется на основании предложений регионов, которые формируются путем обобщения заявок работодателей. Данные положения не касаются граждан Беларуси и Казахстана. Таким образом, абсолютно любой работодатель может принять на работу иностранного гражданина из Беларуси и Казахстана.

В-четвертых, самим трудящимся-мигрантам государств – членов ЕАЭС не нужно получать никаких разрешительных документов на осуществление трудовой деятельности, что лишь ускоряет процесс их трудоустройства. Разрешительными документами на работу в России являются: разрешение на работу – если иностранец собирается работать у юридического лица или индивидуального предпринимателя, и трудовой патент – для трудоустройства у физических лиц. Оформление вышеуказанных документов, безусловно, занимает средства и время. Например, только для оформления разрешения на работу необходимо оплатить государственную пошлину, пройти тестирование по русскому языку, а с 1 января 2015 г. еще и тестирование основ законодательства и истории России, пройти медицинское обследование и т. д.

Также немаловажно, что в случае досрочного расторжения трудового или гражданско-правового договора после истечения 90 суток с даты въезда на территорию государства трудоустройства трудящийся государства – члена ЕАЭС имеет право без выезда с территории государства трудоустройства в течение 15 дней заключить новый трудовой или гражданско-правовой договор.

В-пятых, новое объединение не оставило без внимания сферу образования. Дипломы вузов стран, входящих в ЕАЭС, будут котироваться в других странах-участницах, подписавших договор, а это значит, что не нужно будет проходить процесс признания документов об образовании в целях осуществления мигрантом трудовой деятельности (за исключением случаев, прямо указанных в Договоре), как, например, трудящимся-мигрантам других стран.

В-шестых, теперь социальное обеспечение, социальное страхование (кроме пенсионного) трудящихся мигрантов и членов их семей будет осуществляться на тех же условиях и в том же порядке, что и

граждан РФ, поэтому трудовой стаж трудящихся мигрантов из Беларуси и Казахстана засчитывается в общий страховой стаж. Данное положение не действует в отношении других стран, за исключением случаев, когда заключен договор или соглашение в области социального обеспечения между Россией и этим государством, тогда стаж, полученный на территории другого государства, засчитывается. Например, такая норма содержится в абз.2 ст.6 Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Украины от 15 января 1993 г. «О трудовой деятельности и социальной защите граждан России и Украины, работающих за пределами границ своих государств».

В-седьмых, ЕАЭС облегчил и систему налогообложения. Теперь налог на доходы трудового мигранта государств-участниц в случаях, если, например, трудовой договор заключен на срок более 183 дней, будет исчисляться как у резидентов в размере 13 % с первого дня. В отношении мигрантов из других стран действует другая система: до 183 дней они являются нерезидентами и НДФЛ исчисляется по ставке 30 % до 183 дней, а после 183 дня – резидентами, и НДФЛ исчисляется по ставке 13 %. Разница процесса трудоустройства в России иностранных граждан из Беларуси, Казахстана и других стран СНГ приведена в сравнительной табл. 4.

Договор Евразийского экономического союза основан на «четырех свободах»: свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В связи с «четвертой свободой» трудовые мигранты стран-участниц имеют ряд «льгот» по трудоустройству, но не стоит забывать, что и до создания ЕАЭС между Россией, Беларусью и Казахстаном неоднократно заключались международные соглашения, которые прямо или косвенно упрощали порядок пребывания и трудовой деятельности на территориях этих стран. Поэтому можно сделать вывод, что установленный миграционный режим России с данными государствами – это результат длительного процесса интеграции и межгосударственного сотрудничества. Что касается миграционного режима сложившегося с другими странами, например, Арменией и Киргизией, то он, как правило, основан на внутреннем законодательстве, которое защищает российский рынок труда. Но уже сегодня граждане Армении смогут находиться в России до 30 суток, не регистрируясь по месту пребывания, о чем свидетельствует Распоряжение от 10 июля 2014 г. «О Соглашении между правительствами России и Армении о порядке пребывания граждан на территориях этих стран»¹⁰⁹.

¹⁰⁹ Распоряжение от 10 июля 2014 г. № 1274-р «О Соглашении между правительствами России и Армении о порядке пребывания граждан на территориях этих

Таблица 4

**Сравнение процедуры трудоустройства
граждан стран – членов ЕАЭС
и других стран СНГ**

Критерии	Трудящиеся- мигранты из стран СНГ	Трудящиеся- мигранты из стран ЕАЭС
Разрешение на прием на работу	Работодатель не может принимать на работу данную категорию без разрешения	Могут быть приняты на работу любым работодателем
Получение разрешительных документов на трудоустройство	Трудовая деятельность осуществляется на основании РНР или трудового патента	Не требуется
Необходимость сдачи адаптационных экзаменов	Ранее требовалось проведение тестирования только по русскому языку, а с 1 января 2015 г. еще и по истории России и основам законодательства	Не требуется
Срок пребывания без поставки на миграционный учет	7 дней со дня приезда (для граждан Армении с 10 июля 2014 г. – 30 дней)	30 дней со дня приезда
Срок временного пребывания	Равен сроку, на который выдано разрешение на работу	Равен сроку, на который заключен трудовой договор
Признание документов об образовании в целях осуществления мигрантом трудовой деятельности	Требуется	По общему порядку такая процедура не требуется

стран» / Документ опубликован 11 июля 2014 г. (15:30) на официальном сайте Правительства РФ.

Аналогичное соглашение в свое время было подписано с Беларусью. Таким образом, Россия проводит активную политику интеграции, создавая общий рынок рабочей силы с бывшими советскими республиками.

Важным вопросом дальнейшей интеграции в формате ЕАЭС является оценка возможных последствий её для российского рынка труда, что требует анализа существующих миграционных потоков из стран-членов и кандидатов на вступление в Союз. При этом следует учитывать помимо трудовой миграции и переселение на постоянное место жительства, которое также в достаточной степени оказывает влияние на формирование спроса и предложения на рынке труда.

Обратимся к данным Федеральной службы государственной статистики РФ, касающимся этих миграционных потоков. Официальные цифры не позволяют нам корректно описать ситуацию с иммиграцией из Беларуси, так как точных данных о количестве трудящихся из этой страны нет. Белорусские чиновники называют цифру в 100 тыс. человек, основываясь на данных выборочного обследования домашних хозяйств¹¹⁰. Экспертные оценки гораздо выше. Причиной отсутствия точной информации является подписание ряда нормативных документов, снимающих многие административные барьеры для трудоустройства граждан Беларуси в России. Как уже отмечалось, они имеют равные права с гражданами России в оплате труда, режиме рабочего времени и времени отдыха, охране и условиях труда и др.¹¹¹. На них не распространяется порядок регулирования привлечения и использования иностранной рабочей силы. В этой связи образование ЕАЭС никак не повлияет на масштабы временного трудового потока из этой страны.

Статистические данные об иммиграции из Беларуси на постоянное место жительства имеются, цифры сравнительно небольшие. Здесь следует только отметить, что в последние несколько лет наблюдается увеличение количества переселяющихся. Так, если в 2010 г. из Беларуси выехало немногим менее 5 тыс. человек, то уже в 2013 г. – 15,7 тыс. человек. Однако этот поток не может оказать существенного воздействия на российский рынок труда ввиду своей малочисленности, даже при сохранении высоких темпов роста в ближайшие годы.

Не окажут большого влияния изменения миграционного режима и на трудовой поток из Казахстана, однако, связано это в первую

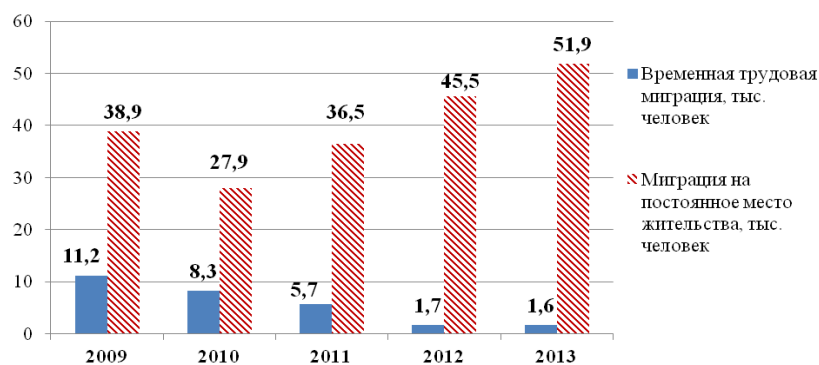
¹¹⁰ Сколько белорусов работает в России. Аргументы и факты Беларуси // <http://www.aif.by/social/item/24964-migracia-bielarus-rossia.html> [дата обращения: 12.09.2014].

¹¹¹ Пункты 1 и 2 Решения Высшего Совета Сообщества Беларуси и России от 22 июня 1996 г. № 4 «О равных правах граждан на трудоустройство...».

очередь с его малочисленностью. Более того, налицо практически полное исчезновение казахстанских трудовых мигрантов с отечественного рынка труда, что наиболее ярко отражает экономическое развитие Казахстана (см. рис. 3).

Рисунок 3

**Трудовая миграция и миграция
на постоянное место жительства
из Казахстана в Россию**

Источник: Росстат

Другая ситуация с миграцией на постоянное место жительства, которая демонстрирует устойчивый рост в течение последних четырех лет. Как показывают данные за первый квартал 2014 г., эта тенденция остается. Немалую роль здесь играет реализация Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. На переселенцев из Казахстана приходится около 30 % всего потока соотечественников.

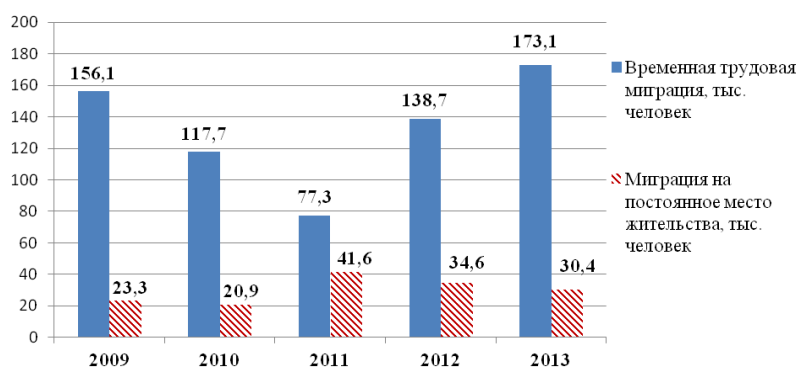
В отличие от миграции из Казахстана потоки из Киргизии демонстрируют совершенно противоположные тенденции: уменьшается количество переселяющихся на постоянное место жительства и значительно растет количество временных трудовых мигрантов. В 2013 г. трудовые потоки из Киргизии практически сравнялись с докризисными показателями 2008 г. (2008 г. – 184,6 тыс. человек,

2013 – 173,1 тыс. человек). Количественные показатели миграции на ПМЖ, как уже отмечалось, показывают негативную динамику.

В 2013 г. в Россию переселилось на четверть меньше, чем в 2011 г. (см. рис. 4).

Рисунок 4

**Трудовая миграция и миграция
на постоянное место жительства
из Киргизии в Россию**

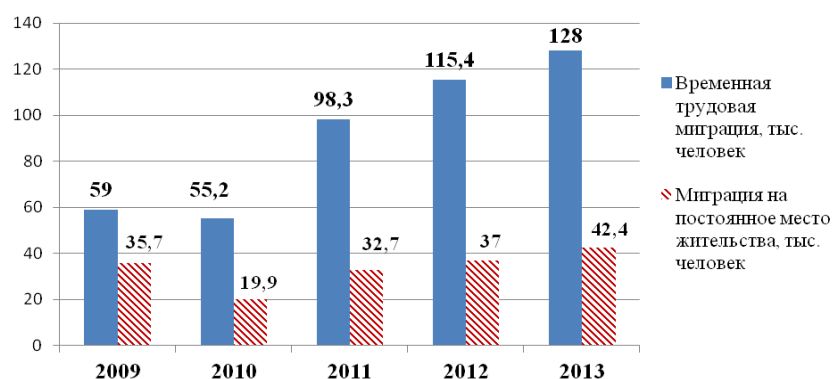
Источник: Росстат

Миграционные потоки из Армении более всего схожи с потоками из Беларуси: масштабная трудовая миграция в сочетании с ростом показателей переселения на постоянное место жительства. К сожалению, отсутствие данных по временным белорусским работникам не позволяет сопоставить динамику этих потоков. Как мы отмечали, в последние годы наблюдается тенденция увеличения общего количества мигрантов, переселяющихся на ПМЖ в Россию из Армении. Исключение составляет 2010 г., когда поток уменьшился практически в два раза. Связано это, прежде всего, с последствиями экономического кризиса конца нулевых годов. В настоящее время поток мигрантов растет и уже превышает показатели 2009 г. В 2012 г. и 2013 г. количество мигрантов из Армении росло в среднем на 13 % в год. Это значительный показатель, однако, на него может влиять компенсационный посткризисный рост. Особенностью этого мигра-

ционного потока является то, что большую долю в нем занимают переселяющиеся в сельскую местность. Причем, по этому показателю Армения опережает все страны СНГ. В 2011 г. таких переселенцев было немногим менее 30 %. К 2013 г. эта доля в потоке немного снизилась – 28,6 %, но и при этом падении данный процент выше, чем у Киргизии (24,9 %) и Казахстана (23,2 %) (см. рис. 5).

Рисунок 5

Трудовая миграция и миграция на постоянное место жительства из Армении в Россию

Источник: Росстат

За четыре года (2010–2013) наблюдался также устойчивый рост числа работников из Армении, занятых в российской экономике. Уже в 2011 г. их число (98,3 тыс. человек) превысило докризисные показатели 2008 г. (76,3 тыс. человек).

Как мы видим, приведенная статистика по четырем странам говорит о больших различиях в миграционных потоках. В первую очередь, они определяются экономической дифференциацией и сложившимися историческими и культурными связями, наличием диаспор по обе стороны границы. Сравнение динамики иммиграционных процессов из Армении, Беларуси, Казахстана и Киргизии приведено в табл. 5.

Таблица 5
Сравнение динамики
временной трудовой иммиграции
и иммиграции на постоянное место жительства
в Россию из стран – участниц ЕАЭС
и кандидатов на вступление

Страна	Трудовая миграция	Миграция на постоянное место жительства
Армения	Рост	Рост
Беларусь	Нет данных	Рост
Казахстан	Снижение	Рост
Киргизия	Рост	Снижение

Основываясь на данных динамики миграционных процессов и либерализации миграционного режима в рамках Евразийского экономического союза, мы можем с большой долей вероятности прогнозировать следующие последствия для российского рынка труда.

Во-первых, можно с уверенностью говорить, что значительно воздействия на отечественный рынок труда создание ЕАЭС в формате Россия, Беларусь, Казахстан ожидать не стоит. Можно вести речь о потенциальном увеличении интенсивности миграции высококвалифицированных работников и предпринимателей, что будет обусловлено развитием торговых и кооперационных производственных связей. Возможно также увеличение миграционного обмена в сфере высшего образования.

Во-вторых, либерализация миграционного режима для работников из Киргизии и Армении приведет к выходу их значительного числа из «тени». Что приведет как к улучшению общей ситуации на рынке труда, так и к повышению собираемости налогов. Полученные средства должны компенсировать снижение государственных доходов, поступавших через уплату пошлин на получение разрешительных документов. Также откроются дополнительные возможности для развития частных агентств занятости, систем оргнабора.

В-третьих, трудовые мигранты из Армении и Киргизии могут в ряде «миграционных ниш» на рынке труда потеснить работников из Таджикистана, Узбекистана, Молдавии, Азербайджана и Украины. Послабления в нормативной базе приведут к тому, что работодателю будет проще, и, следовательно, выгоднее переходить на рекрутинг выходцев из государств ЕАЭС.

В целом, мы можем позитивно охарактеризовать интеграционные процессы в формате ЕАЭС в сфере миграции населения. Прогнозируемое снижение численности населения России в трудоспособном возрасте в среднесрочной перспективе может быть нивелировано за счет иностранных работников. В этой связи частичная либерализация может позитивно сказаться на всем отечественном рынке труда, как в количественном отношении, так и в качественном, за счет повышения прозрачности процессов изменений и появления новых механизмов развития.

VII. Глобальная террористическая угроза как препятствие межгосударственной, исторической, социально-культурной интеграции стран – членов ЕАЭС

Идея организации евразийского экономического и социального пространства давно зрела в умах руководителей постсоветских государств, возникших в Центральной Азии, а также руководителей Российской Федерации. Инициатором движения к объединению в масштабах Евразии стал Президент Казахстана Н. Назарбаев.

Через три года после распада СССР, 20 сентября 1994 г., в Алматы была организована Международная научно-практическая конференция «Евразийское пространство: интеграционный потенциал». Президент Казахстана Н. А. Назарбаев инициировал обсуждение евразийской интеграции и с тех пор явился одним из наиболее убежденных, последовательных и настойчивых сторонников идеи.

Чрезвычайно важным для него было – ориентация не только на честное экономическое сотрудничество, но и социально-культурную интеграцию. В частности, выступая на этой конференции, он говорил о евразийском проекте: «Проект ориентирован на гуманистические, общечеловеческие ценности, оказавшиеся на какое-то время утраченными. У нас у всех общая вековая история, традиции совместного бытия, культурное наследие, общая человеческая судьба. Тысячи и тысячи людей, освобождавших Украину, – и первоцелинник, приехавший из Смоленщины в Казахстан, и инженер из Беларуси – не могут смириться с мыслью, что отныне мы отгорожены друг от друга границами и таможенными, теми стенами и барьерами, каких никогда не знала история наших стран»¹¹².

---

¹¹² Назарбаев Н. А. Евразийский союз. Идеи, практика, перспектива. - М., 1997. - С. 91–92.

Сегодня Евразийский союз стал новой геополитической реальностью. Его интеграция в мировые экономические, социально-культурные связи, системы взаимозависимости и подчинения, характеризующие международное сообщество – безусловно, длительный процесс. И к нему приковано внимание многих исследователей, политических и общественных деятелей.

Через 20 с лишним лет после распада СССР всякие интеграционные процессы, происходящие на постсоветском пространстве, вызывают активное противодействие со стороны США и их союзников, не желавших образования новых мировых сил, которые могли бы стать альтернативой как общественно-экономическим системам этих стран, так и глобальной политике, проводимой ими.

Говоря о ситуации после распада СССР под углом зрения будущего СНГ, известный политический и общественный деятель Индии Т. Н. Кауль писал о необходимости интеграционных процессов в мире как единственном пути к благополучному будущему. «В глобальной деревне достаточно места для сотни цветов самых различных оттенков и размеров и для того, чтобы они могли процветать вместе. Поднимется ли человечество до этой необходимости и сможет ли работать в направлении осуществления мечты единства – это еще надо увидеть. Однако, если права человека и демократия, экономический рост и социальная справедливость, понятие человеческого достоинства и равенства наций и народов могут ли когда-нибудь быть реализованы, то объединение – единственный путь. Это путь, на который нам указывали древние мудрецы, философы, современные мыслители и идеалисты. Это не просто риторика, а жесткая необходимость, которую человечество может игнорировать только с большой опасностью для себя», – так писал Т. Н. Кауль¹¹³.

Будущее СНГ, скроенное на скорую руку в декабре 1992 г. в Беловежской пуще, скорее для того, чтобы освободить Б. Н. Ельцину путь в кремлевские кабинеты, складывалось и реализовывалось совсем непросто. И сегодня оно с трудом поддается прогностике. Именно поэтому в его структуре образовывались субрегиональные объединения «разных скоростей». Некоторые из стран выходили за пределы этого объединения, участвуя в других временных союзах. Взаимные противоречия и претензии преодолеваются с большим трудом. Однако идея евразийского объединения у руководителей стран-инициаторов – Российской Федерации, Казахстана и Беларуси была устойчивой и привела к успешному завершению.

Конечно, впереди напряженная работа, решение сложных проектов интеграции в мировое глобальное пространство, организация

---

¹¹³ Kaul T. N. The future of commonwealth of independent states. - New Dehli, 1992. - P. 83.

сопротивления опасностям изнутри и извне. Однако ЕАЭС стал исторической реальностью, и к нему обратились взоры многих в этом мире. После распада СССР республики Центральной Азии стали своего рода открытием международного сообщества. Сюда обратились взоры как исследователей и политиков, так и авантюристов всех мастей¹¹⁴.

Если в общественном мнении западных стран представление о Центральной Азии было ограничено идеями о какой-то зоне вековой отсталости, то исследователи, начавшие изучать реальности новых суверенных государств, обнаружили, что этот огромный регион, расположенный между Китаем, Пакистаном, Ираном, Россией и Каспийским морем, представляет собой экономически достаточно высокоразвитую зону с тысячами гектаров мелиорированных земель, устойчиво функционирующей промышленностью, городами, культурной и неисчерпаемой ресурсной базами. Эта зона никак не может быть названа «задним двором» той или иной сверхдержавы. Путешественники, которые переезжали из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана в граничащий с ними Афганистан или Пакистан, с удивлением обнаруживали, насколько уровень развития стран Центральной Азии в составе СССР отличается от соседствующих с ними на юге.

Понятно, что сюда устремились интересы и крупных государств. Россия имеет здесь устойчивое экономическое и культурное присутствие, закрепленное столетиями совместной государственности. Соединенные Штаты двинулись для начала в поисках мест для организации военных баз, чтобы обеспечить военную кампанию в Афганистане. Медленно, но неуклонно сюда движется и Китай со своими неисчерпаемыми финансовыми ресурсами для участия в разработке и эксплуатации залежей нефти, газа и других ценных минералов – алюминия, меди, урана, золота.

Понятно, что территория молодых суверенных государств, еще не набравших нужный опыт независимости, политического опыта, становится ареной действия весьма различных политических сил, соперничающих между собой. Собственно, и эта территория, и государственность сложилась в результате крупного геополитического столкновения в этом регионе в первую очередь России и Англии. Еще в XIX столетии Россия продвинулась вплотную к границам Афганистана, а Британия превратила Афганистан в своеобразный буфер, защищающий ее владения в Индии от возможной российской экспансии.

---

¹¹⁴ *Starr F. Rediscovering Central Asia // The Wilson Quarterly. - 27.12.2009.*

Большая часть территории того, что тогда называлось Малая Азия, отошла к Китаю под названием Синьцзян. На территории Средней Азии, входящей в состав Российской империи, а потом СССР, были проведены крупнейшие экономические, социальные и культурные реформы. Страны добились всеобщей грамотности, сумели преодолеть вековые племенные и религиозные разногласия, преодолели тотальную нищету.

После распада СССР пять суверенных государств, возникших на территории Средней Азии, вошли в мир, не ожидавший их появления и встретивший их с настороженностью. Тем не менее 20 с лишним лет спустя после распада СССР суверенитет этих стран не подлежит сомнению, в то время, как в соседнем Афганистане бушует многолетняя война, которую ведут США и страны НАТО вроде против талибов, а на самом деле – за господство в этом регионе, а в соседнем Пакистане получили приют террористические движения, в первую очередь «Аль-Каида».

Интересно, что лидер «Аль-Каиды» Усама бен Ладен, уничтоженный американским спецназом, долгие годы жил в Пакистане. Его дом находился рядом с военной академией. Уничтожение бен Ладена вызвало резкое охлаждение отношений Пакистана, верного союзника США в этом регионе, и самих США.

Парадокс ситуации в том, что хотя руководители Пакистана постоянно заявляют о своем верноподданничестве США, они предоставили северные регионы своей страны для тренировочных баз «Аль-Каиды» и террористов всех мастей. В этом есть и определенная экономическая выгода, ибо эти террористические организации пользуются неограниченной поддержкой других союзников США: Саудовской Аравией, Арабских Эмиратов. Денежные потоки, которые идут террористам, переппадают и властям Пакистана.

Суверенные республики Центральной Азии ставят и реализуют программы развития, опираясь как на свое прошлое, так и настоящее. Центральноазиатские государства с гордостью заявляют, что арабские цифры, кубические уравнения, тригонометрия и десятичная система исчисления – все это родилось в государствах Центральной Азии и распространилось по всему земному шару. Ученые Центральной Азии первые вычислили диаметр Земли с точностью, которая удивляет исследователей еще и сегодня, а в древние времена построили великолепные обсерватории, которые позволили им создать на удивление точные астрономические таблицы. Многие ученые из Центральной Азии были известны своими исследованиями в химии, в медицине, фармакологии. В частности, фармацевтические продукты еще в I тысячелетие нашей эры, производимые в Центральной Азии, поступали и мгновенно раскупались на Западе и в Индии.

В эпоху Багдадского халифата, в I тысячелетие нашей эры, жил астроном Мухаммед ибн Муса аль-Хорезми, который происходил из региона Хорезм, на стыке Узбекистана и Туркменистана. Этот ученый открыл алгоритм, который до сих пор носит его имя, а наш термин «алгебра» имеет прямое происхождение из его известной книги по математике.

Абу Наср аль-Фараби, известный на Западе как Альфарабиус, был крупнейшим истолкователем этики Аристотеля и известен на Западе наряду с Фомой Аквинским. Абу Наср аль-Фараби происходил из Пакистана, хотя и был турецких кровей.

Историки Центральной Азии не без гордости говорят о том, что халифат Аббасидов был организован деятелями из Центральной Азии. Конечно, сами халифы были арабы, но рано или поздно они подвергались трансформирующему их влиянию персидского и турецкого культурных миров, в которых они вынуждены были жить и действовать.

Один из халифов, аль-Мамун, после своего восхождения на эту должность долго отказывался покинуть Центральную Азию, управляя мусульманским миром из местности, которая теперь носит имя Туркменистан. Когда он, наконец, переехал в Багдад, привез с собой не только солдат-тюрков, но и более открытое и светское экуменическое мировоззрение, господствующее в Центральной Азии и представляющее собой восхитительную смесь персидской и тюркской культур.

Интеллектуальное движение из Центральной Азии на Ближний Восток чем-то напоминает похожее перемещение греческой науки и искусств в Рим. Даже в эпоху, когда многие из ученых и деятелей Центральной Азии переселялись в Багдад, многочисленные арабские интеллектуалы посещали великие центры науки и культуры в Центральной Азии.

Процветающий город Гургани, расположенный в нынешнем Туркменистане, буквально стал магнитом для арабских ученых, также как и роскошный двор Газни в восточном Афганистане. Многие из ученых и государственных деятелей, которые выезжали из Центральной Азии в Багдад, возвращались потом обратно.

Сегодня Центральная Азия, которая произвела такое великолепное цветение восточного гения в науке и культуре, построившая великолепные города, стала мостом, соединяющим великие культуры евразийских пространств. Ткани и ковры, которыми были украшены многие монастыри Европы, производились в Ферганской долине.

Арабские армии принесли сюда в конце VII столетия ислам. Он быстро распространился среди населения с высокоразвитой культурой. Славившаяся науками и искусством, а также знаменитыми фи-

лософами Центральная Азия приняла ислам не сразу, а постепенно. В разных регионах ему было даже оказано сопротивление.

Однако именно в Средней Азии появились мыслители, вроде Мухаммада ибн Исмаил аль-Бухари, которые провели глубокие аналитические исследования современной им цивилизации и религий. Высказывания Мухаммеда, компиляция высказываний, произведенных аль-Бухари, другими мыслителями считается в исламе второй священной книгой после Корана.

Характерно, что одновременно с распространением ислама в Центральной Азии свободное хождение имели и светские идеи. Астрономом аль-Хорезми написал книгу, истолковывающую использование индийских чисел (они потом получили название арабских) и понятие нуля. В Центральной Азии были созданы интересные истолкования индийской геометрии, астрономии, календаря. Здесь же находили применение различные алфавиты – сирийского, индийского происхождения. Некоторые местные языки использовали алфавит арамейского языка – языка, на котором говорил Иисус.

В I тысячелетии нашей эры трудно было представить более интеллектуально и духовно развитый регион где-нибудь в другой части света. Исследователи говорят о том, что жителей Центральной Азии отличало от арабов и китайцев, которые были моноязычными, наоборот, многоязычие. Они были полиглотами, ибо им приходилось жить на перекрестках торговых путей, где говорили на многих языках и использовали многие алфавиты. И чтобы разобраться во всей этой интеллектуальной мешанине, надо было знать другие языки, кроме своего. Конечно, с приходом арабских армий и распространением ислама элиты этих стран вынуждены были изучать арабский и постепенно переходить на арабский язык.

Расцвет Центральной Азии в Средневековье во многом объясняется географическим расположением. Именно торговые пути, пересекавшие этот регион в разных направлениях, создали правовую систему, в которых существовали положения, защищающие частную собственность, обеспечивающие религиозную толерантность и возможность распространения идей, которые приносились по информационным потокам, создаваемым интенсивной торговлей.

Сегодня многие историки говорят о том, что этот всплеск интеллектуальной креативности в Центральной Азии в основном вызван распространением ислама. Для этого есть определенные основания. Однако когда аль-Бухари начал свою длительную подвижническую работу, он был явно светским человеком и к мусульманской религии еще не приобщился. Аль-Фараби был убежден, что его философские исследования светской этики, безусловно, будут полезны для религии и вообще свободомыслия.

Обсуждение религиозных проблем было характерно для Средней Азии той поры. Нередки были появления мыслителей, которые полагали, что религия хороша для масс, но интеллектуалы должны были быть свободны от всяких ограничивающих воззрений. Этой точки зрения придерживался и Омар Хайям, великолепный математик, который, парадоксально, остался в памяти поколений не столько своими математическими достижениями, сколько своей поэзией. В XIV–XV столетиях она получила широкое распространение в западных странах и популярна до сих пор.

Интересно, что позже, во II тысячелетии, когда Европа сотрясась от мощных религиозных войн, Центральной Азии удалось их избежать. Однако культурные процессы были остановлены монгольским вторжением. Чингисхан занял Центральную Азию в 1218 г. Монгольские захватчики уничтожили дотла великолепные города Центральной Азии. Правда, многие из них восстановились благодаря тому, что монголы не препятствовали торговле и коммерции, а торговые пути привели и специалистов, которые способны были всё восстановить и накопили средства, которые были необходимы для этого.

Монголы отменили тарифы внутри своей широкой империи, и это способствовало возрождению центральноазиатских народов. Когда Марко Поло двигался по Центральной Азии в направлении Китая в XIII столетии, ему не понадобились ни патенты, ни визы.

Этот кросс-культурный контакт, который Средняя Азия сохранила, в значительной степени обеспечил возможность ее более позднего возрождения. Тем не менее во втором тысячелетии, особенно во второй его половине, инициатива интеллектуальных новаций перешла уже в Европу, переживающую ренессанс, а Центральная Азия вступила в цикл упадка, который, безусловно, был начат монгольским вторжением. Религиозные убеждения стали принимать ортодоксальную, неизменную форму, инакомыслие и свобода инноваций тормозились.

Но, возможно, наиболее негативное влияние на социально-культурные процессы Центральной Азии оказали «морфологические», исторические реальности, которые сделали весьма затруднительным дальнейший культурный расцвет расположенных здесь государств. Этим событием явился разрыв мусульманской веры на суннитскую и шиитскую школу. Это случилось в первом поколении после смерти пророка Магомета в 632 г.

Ко времени создания первого халифата в Дамаске сунниты заняли господствующее положение в мусульманском мире, за исключением Египта. Там фатимиды и шиитская династия стали преобладающей на пути суннитов. Шииты-фатимиды распространили свое

влияние в зону конфессионального конфликта в Персии и в Центральной Азии. Противостояние шиитов и суннитов принесло много бед мусульманскому миру. Его разрушительные силы не исчерпали себя и сегодня.

Это своеобразное введение из истории государств Центральной Азии необходимо для того, чтобы понять многие процессы конфессионального противостояния, которое характеризует жизнь этих государств и сегодня. Получение независимости после распада СССР в 1991 г. коренным образом изменило жизнь молодых суверенных государств, которые, как союзные республики в составе СССР, были светскими, а религия существовала где-то в глубинах общества и существенной социальной и культурно-преобразующей роли не играла.

Все изменилось уже в первое десятилетие независимости. Сотни проповедников радикального ислама, ваххабитов, двинулись на территорию центральноазиатских республик, пытаясь навязать догмы шариата в качестве образа жизни, стиля правления и духовно-нравственного ориентира населения Средней Азии.

Видимо, можно говорить и о том, что поначалу лидеры центральноазиатских государств совершили определенные ошибки, полагая, что с радикалами, прибывающими из-за рубежа и располагающими неограниченными ресурсами, можно каким-то образом договориться для создания своеобразного *modus vivendi* религиозной веры в ее радикальном ваххабитском варианте и реализовать решение задач молодых государств в области светского, экономического и социально-культурного развития.

Тысячи молодых людей этого региона двинулись на учебу в университеты в основном богатых мусульманских стран. Большею частью их учеба оплачивалась руководителями Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана. Там они тоже попадали в руки радикальных исламистов и возвращались с намерениями приобщить религиозную жизнь этих стран к школам радикального ислама.

Вопросы самоидентификации, интерес к историческому прошлому, гордость за его достижения в прошлом составляет важную часть общественного сознания населения, мировоззрения элит. Одновременно, наряду с этим позитивным развитием и становлением сложного синтеза между религиозными ценностями в их мусульманском варианте с задачами светского развития, в целом процессы становления нового общественного сознания идут очень болезненно и часто прерываются вспышками яростного радикализма.

Мировоззрение, поведенческие стереотипы, ценности, исповедуемые исламскими радикалами, как это признают многие религиозные мыслители мусульманского мира, не имеют ничего общего с

Кораном. Это политический радикализм, целью которого является разрушение политической власти и структур в мусульманских странах и постоянные экстремистские, террористические вылазки в различных частях света для создания общей атмосферы страха перед исламской угрозой и создания сетевой структуры шариата по всей дуге расселения мусульманских народов.

К сожалению, сегодня можно констатировать, что неблагоприятную роль в росте террористической угрозы современному миру сыграли Соединенные Штаты. В свое время для противодействия советскому военному вторжению в Афганистан Соединенные Штаты развивали наиболее активные радикальные элементы исламского мира для противостояния Советской Армии. После ухода советских войск из Афганистана радикальные мусульманские организации, оказавшись не у дел, отнюдь не прекратили свое существование, а стали действовать самостоятельно, устремив свое внимание на весь мир, распространяя радикальное идеологическое обоснование войны против неверных в гуще нищего и безработного населения мусульманского демографического массива.

Богатые государства Ближнего Востока, в частности, Саудовская Аравия, являющаяся гнездом ваххабизма, снабжала эти радикальные группировки, заменив прежних спонсоров – спецслужб США, оставивших их после ухода советских войск в Афганистане без должного внимания.

Террористический удар по башням торгового центра в Нью-Йорке, который заставил вздрогнуть весь мир, был началом того, что тогдашний президент США Дж. Буш назвал новой мировой войной. Новая мировая война против терроризма требовала объединения сил всех государств мира, однако реализовать это было достаточно трудно.

Характерно, что инициаторами удара по торговому центру были граждане Саудовской Аравии, верного союзника США на Ближнем Востоке. Это были выходцы из благополучных слоев саудовского общества, которые провели многие годы в западных странах, адаптировавшись к западной культуре и в общем усвоивших западный образ жизни. Удар по США они объясняли также и мстью за постоянную поддержку Израиля, который является анафемой для радикальных джихадистов. В составе армии джихада сконцентрировались группировки, которые США готовили для противостояния СССР в Афганистане. Их лидер Усама бен Ладен стал во главе нового движения.

Объявленная Бушем война против радикального джихадизма тем не менее не смогла остановить его распространение по всему миру. Не испытывая недостаток средств ввиду поддержки ваххаби-

тами из Саудовской Аравии, оживились террористические ячейки во всех странах, где мусульманская религия охватывает большинство населения. Чрезвычайно быстро распространяющийся радикальный джихадизм находит почву для распространения, в первую очередь, в странах массовой нищеты, создающей условия для мобилизации необходимого числа участников джихадистского подполья. Вина Соединенных Штатов в спонсировании движения радикального ислама состоит в том, что в войнах, которые это государство ведет непрерывно на всем протяжении XXI столетия, спецслужбы США сначала организуют отряды радикального ислама для решения своих стратегических задач, а потом, когда эти организации остаются не у дел, они начинают самостоятельные радикальные действия.

Так было в Ираке после ухода американских агрессоров в 2008 г. Территория Ирака стала местом для формирования отрядов воинствующего джихада. Так было в Ливии. Так происходит сегодня в Сирии. Сначала США мобилизовали наличные силы радикального исламского резерва для свержения законной власти президента Асада, потом значительная часть этих формирований, получившая мощную западную поддержку, вышла из подчинения и организовала свое особое государство ИГИЛ, отторгшее значительные территории Сирии и Ирака.

Появление этого государства создает новую террористическую угрозу в мире, так как позволяет планировать агрессию во всемирных масштабах на долгосрочной основе. Опять же с учетом того, что часть территорий Ирака, захваченных ИГИЛ, содержит и богатые нефтяные поля, мусульманский терроризм получает практически неограниченную финансовую подпитку.

Действия радикального исламизма дают о себе знать во всем мусульманском мире. И, естественно, такие страны ЕАЭС, как Казахстан и Кыргызстан, находятся в зоне повышенной опасности¹¹⁵.

Эта опасность представляет собой достаточно сложный сплав внутренних и внешних факторов. Наличие в странах множества нерешенных проблем экономического и социального характера, бедность основной массы населения и безработица создают особый духовный и идеологический кризис, в котором радикальный исламизм находит благодатную почву. Радикальные исламисты, вовлекая в свои ряды все большее число населения этих стран, организуют террористические акты, убийства государственных деятелей в общественных местах, бунты и конфликтные ситуации. И поэтому представляют собой колоссальную политическую угрозу для будущего этих стран.

---

¹¹⁵ См. Экстремизм в Центральной Азии. - Алматы, 2000. - С. 12–15.

В качестве внешних факторов следует назвать, естественно, распространение ваххабизма в мусульманской среде этих стран, а также активное вовлечение лиц, приобщившихся к ваххабитам, в террористические проекты, планируемые мощными радикальными объединениями Ближнего Востока. Многие из радикальных экстремистов Северного Кавказа, вынужденные эмигрировать по окончании Чеченской войны, проникли в государства Центральной Азии, в нашем случае в Казахстан и Кыргызстан.

Переломным этапом этого проникновения исследователи называют 1999 г., который вошел в историю региона как год экстремизма. По мере того, как радикальные исламистские движения Таджикистана оказались замиренными, часть наиболее активных элементов переместились в Казахстан и Кыргызстан. С учетом огромных пространств Казахстана и относительной слабости правоохранительных органов контролировать распространение радикальных исламистов предельно трудно.

Безусловно, на проникновение радикального исламизма в Казахстан и Кыргызстан влияет и факт существования горячих точек вблизи их границ в Афганистане, в Синьцзян-Уйгурском автономном округе, Тибете, Северном Кавказе, Кашмире. Политический и религиозный экстремизм этих регионов, каждый раз, переживая там поражение, распространяется в соседние страны.

Проблема здесь в том, что вербовка в террористические подпольные организации стала весьма популярным средством получения доходов в бедных кругах населения. Радикалы дают деньги наличными и практически немедленно. Молодежь, не имеющая работы и конкретных занятий, с жадностью бросается на эти приманки. Хотя Казахстан является тем государством, в котором религиозный экстремизм не проявился с такой силой, как в некоторых сопредельных государствах, тем не менее опасность распространения экстремизма и политическая угроза стабильности существующего общественного устройства и власти велика.

Н. Назарбаев проводит достаточно умелую политику, позволяющую сохранить хрупкое общественное согласие. Однако значительные межэтнические столкновения в Жамбылской и Талды-Курганской областях настораживают не только местные власти, но и центральную власть.

Члены радикального объединения «Азат» организуют активные насильственные действия против инакомыслящих, вроде депортации вайнахских семей. Движения «Азат», «Алаш» и «Желтоксан» откровенно говорят о выдвигании ислама в качестве основы будущего государства.

Наилучшим средством борьбы с радикальным экстремизмом является, разумеется, политика по остановке падения жизненного уровня основной массы населения, конкретные проекты государственной власти по стабилизации социально-экономической обстановки, формирование доверия к существующим политическим институтам. Пока Казахстану не удастся до конца осуществить планируемые проекты. Более того, при всякой попытке применить более жесткие меры против радикальных движений они тут же уходят в подполье. В частности, в Казахстане существуют многочисленные группировки подпольного радикального ислама, которые заняты деятельностью против усиления власти Президента. Их финансирование обеспечивается теми же политическими силами, которые заинтересованы в дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в Казахстане.

Новой и в какой-то мере неожиданной угрозой для Казахстана является деятельность уйгурских террористических организаций, которые могут усилить свое террористическое проникновение в Казахстан в случае, если Китай начнет организовывать здесь долгосрочные экономические проекты. Уйгурская диаспора крайне негативно реагировала на китайско-казахский договор, согласно которому Китай получил небольшую территорию Казахстана, населенную преимущественно уйгурами. Безусловно, этот договор диктовался внутривнутриполитическими соображениями Казахстана, внешняя политика которого многовекторная и правительство которого заинтересовано в дружественных отношениях с Китаем.

Однако в уйгурскую диаспору проникли радикальные деятели, которые организуют террористические группировки, способные нанести серьезный вред политической стабильности в стране. Характерно, что в печати возникают признания, что уйгурские организации финансируются Турцией и даже Соединенными Штатами. Обе страны заинтересованы в том, чтобы остановить китайско-казахстанское сближение.

В последнее время в Казахстане увеличилось число религиозных иностранных миссий, которые заняты распространением религиозно-мистических учений, способных посеять серьезный конфликт на религиозно-этнической почве. Службы Казахстана постоянно задерживают лиц, которые под видом туристов распространяют исламскую литературу радикального содержания, пропагандистские кассеты и другие материалы.

После нескольких вспышек, которые, возможно, мотивированы больше социально-экономическими, чем религиозно-этническими трудностями Казахстана, власти Казахстана достаточно умело проводят политику становления социального консенсуса между враж-

дующими религиозными группировками и национальными меньшинствами. Однако опасность реальна, ибо всякие радикальные движения в первую очередь стремятся к изоляционизму своих стран с целью присоединения к странам, исповедующим радикальный ислам. В этом смысле радикально-религиозная деятельность исламских экстремистов в Казахстане создает серьезную угрозу реализации проектов и планов ЕАЭС.

Длительное время в Кыргызстане преобладало социально-политическое согласие, и в какой-то мере оно усыпило бдительность руководителей республики. В первую декаду после распада СССР экстремистские проявления в стране отсутствовали, ибо там не было базы, которая могла бы постепенно сложиться еще в советское время. Принесла серьезные столкновения на межнациональной основе именно эпоха перестройки.

В последние ее годы, 1989 – начало 1990-х гг., под лозунгами национального возрождения и освобождения от «имперского колониализма» в Республике прокатилась волна межнациональных столкновений и выступлений, направленных на ущемление некоренных этносов, проживающих в стране русских, узбеков и т. д. Вооруженный конфликт между киргизами и узбеками в Ошской области 1991 г. пролил много крови, и в течение длительного времени его не удавалось погасить.

Именно в это время сюда устремились радикальные исламистские организации, которые стали сознательно наращивать конфликтность между узбекскими и культурными этносами, используя исторические претензии, территориального характера (по мнению многих, южный Кыргызстан тяготеет к Узбекистану как к территории бывшего Казанского ханства). Сыграли свою роль и религиозные экстремистские организации, появившиеся как бы ниоткуда.

Экономическими причинами формирования националистического экстремизма традиционно является проблемное использование плодородных поливных земель, на которых трудятся как узбеки, так и киргизы. Понятно, что каждая из враждующих группировок в разных вариантах считает эти земли исконно своими, а в таких случаях приведение должных аргументов в пользу враждующих сторон никогда не является проблемой.

В конце 90-х гг. и в первое десятилетие XXI в. к межнациональной напряженности в Кыргызстане добавились и проявления религиозного экстремизма. Из исламских центров Афганистана, Пакистана, Узбекистана были делегированы представители фундаменталистских исламских организаций «Даават-уль ислам» и ваххабиты. Они спровоцировали мощные конфликты на юге Республики (в конце 90-х гг. – Баткен, Ош, Джалал-Абад) и столь же мощные социальные противостояния первой декады XXI в.

Юг Кыргызстана – самый уязвимый с этой точки зрения регион Республики. Здесь проживает большинство этнических узбеков Кыргызстана. Они более религиозны по сравнению с коренным населением, киргизами, которые тяготеют к «народному исламу» и менее подвержены влиянию ваххабитской пропаганды. Через узбекскую диаспору в республику идет проникновение ваххабитских, исламских верований. Городские районы страны, как правило, свободны от религиозного экстремизма, однако он популярен среди сельского населения.

В действиях религиозных экстремистов в Кыргызстане четко прослеживаются ваххабитские ориентиры, целью которых является восстановление исламского государства на территории бывшего Кокандского ханства (Ошская область Кыргызстана, Худжандская область Таджикистана и Ферганская область Узбекистана). Здесь действует хорошо организованная сепаратистская организация ФАНО (Фергана – Андижан – Наманган – Ош), которая ставит своей целью создание собственного государства на основе этих четырех областей.

Организация самозванного государства ИГИЛ на территории Сирии и Ирака (ИГИЛ охватывает более половины территории Сирии) является мощным стимулом исламского радикализма по всей дуге исламской напряженности от Алжира до Индонезии. Не миновала эта опасность и страны Центральной Азии. Все пять государств этого региона видят в существовании ИГИЛ серьезный вызов социальному порядку и безопасности своих государств.

Неправительственная организация «Международная кризисная группа» недавно опубликовала исследование «Зов Сирии: радикализация в Центральной Азии», в котором проанализированы причины, по которым лозунги и призывы ИГИЛ имеют резонанс в странах Средней Азии.

В исследовании, подготовленном западными экспертами по ситуации в Центральной Азии (Мухаммед Тахир, Дейдрэ Тайнан, Ноа Бонсей, Йоанна Паражчук, Брюс Панниер), задается вопрос: почему большинство жителей Центральной Азии, являющиеся мусульманами-суннитами (большой частью по происхождению турки и персы, чья недавняя история – это почти 75 лет в атеистическом Советском Союзе), поддерживают ИГИЛ, покидают свои мирные страны и идут сражаться на стороне в основном арабской группы, славящейся своей жестокостью.

Согласно этому исследованию, за последние три года от 2 до 4 тыс. граждан Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана вступили в ряды ИГИЛ в Сирии. Ответ состоит в том, что в корне их мотивации лежит репрессивная природа централь-

но-азиатских государств и ограничение перспектив на будущее. Это официальный ответ группы западных экспертов, которые, рассматривая проблемы постсоветского пространства, спешат во всем увидеть причины, указывающие на неудовлетворенность политической властью.

На самом деле это можно в значительной степени объяснить активностью радикальных исламских групп, длительное время ведущих подпольную работу в мусульманском массиве центральноазиатских стран и вербующих молодежь, не имеющую применения своим силам и таланту дома. Это, как правило, люди без образования, не умеющие использовать современную технику, но способные овладеть «калашом» и беспрекословно выполнять команды радикалов.

Успех подпольного радикального джихадизма в Центральной Азии можно видеть и в том, что если на стыке XIX и XX столетий десятки молодых людей направлялись в Афганистан и Пакистан, где присоединялись к движению талибов, то в зону конфликта ИГИЛ едут даже молодые женщины, а иногда и целые семьи.

Здесь, конечно, уже дело не в бегстве от тяжелой социально-экономической ситуации. Вывод указанного нами исследования однозначен: люди идут вступать в ряды ИГИЛ скорее по религиозным, а не по финансовым причинам. Следовательно, причина в эффективности радикальной джихадистской пропаганды, которая не встретила сопротивления со стороны религиозных авторитетов в этих странах и противоправная деятельность которой не была в свое время пресечена властями.

Одна из самых мощных линий вербовки рекрутов в ИГИЛ – это социальная сеть. Группы казахов, киргизов, узбеков, уже завербованные в ИГИЛ, пользуясь социальными сетями, легко находят доступ к своим знакомым и родственникам в странах Центральной Азии и завлекают их живописанием благ в ИГИЛ. Этот обман, к сожалению, достаточно эффективен, ибо он не разоблачается ни религиозными авторитетами, ни властями. Таким образом, ИГИЛ, имея возможность доносить свои сообщения до потенциальных новобранцев из Центральной Азии, действует в среде, которая не оказывает им никакого сопротивления.

Из прибывающих из центральноазиатских государств в ИГИЛ многие проходят соответствующую подготовку и отправляются назад домой, в свои страны, чтобы активно участвовать там в подпольных движениях, готовящих смены политических режимов в стране. Прибывая домой после соответствующей промывки мозгов радикальными муллами в ИГИЛ, эти люди в своих странах говорят о том, что задачей их действий является «борьба с деспотическими режимами и повышение материального благополучия людей». Та-

кие лозунги имеют определенную популярность, и формирование подпольной оппозиции создает серьезную опасность политической власти, ибо при ухудшении материального положения или возникновении кризисной ситуации это подполье может вылиться в мощные массовые бунты.

Авторы упомянутого нами доклада говорят о том, что большинство выходцев из стран Центральной Азии в государстве ИГИЛ, а также в отрядах, которые сражаются сейчас против законной власти в Сирии, скорее всего, будут убиты. К сожалению, это правда, так как военного опыта у них нет и их, как правило, бросают на наиболее опасные участки военного противостояния. Однако десятки людей, возвращающиеся назад для подпольной работы в своих странах, составляют своего рода радикальное ополчение в мусульманской среде центральноазиатских стран, которое, действуя, может создать долгосрочные дестабилизационные последствия для ситуации в этих странах.

Недавно киргизская печать сообщала о том, что «Исламское государство Ирака и Леванта» выделило 70 млн долл. для дестабилизации обстановки в Центральной Азии. Конечно, такая сумма была бы незначительной для организации подобного движения, скажем, во Франции. Однако для Центральной Азии с учетом нищеты достаточно широких кругов населения это серьезная финансовая инъекция, которая может ускорить мобилизацию граждан этих стран в подпольные радикальные объединения¹¹⁶.

В ИГИЛ существует боевая группа «Мавераннахр», в которую входят добровольцы из стран центральноазиатского района. И эта группа готовится к тому, чтобы осуществить при удобных условиях организованное вторжение в одну из стран Центральной Азии, где, по мнению авторитетов ИГИЛ, созрела ситуация для смены власти.

Такая ситуация может легко возникнуть на юге Киргизии, где перемирие между этническими группировками является весьма хрупким. В целом вся Ферганская долина последние 25 лет представляет собой для многих радикальных организаций огромный геополитический интерес. Зона действия ИГИЛ распространяется не только на Кыргызстан, но и на Узбекистан, и Казахстан.

Уже сейчас ИГИЛ – это устойчивое образование, набравшее необычайную силу в Ираке и Сирии, увеличившее свою активность в Нигерии и Ливии, создает фронт в этих регионах и организует вторжение в Афганистан и Пакистан. Безусловно, в случае вторжения в Афганистан и Пакистан подпольные группировки в странах Центральной Азии будут мобилизованы на аналогичные действия.

¹¹⁶ Панныер Б., Клевцова А. Чем ИГ привлекает жителей Центральной Азии // Радио Азаттык, США. - 10.02.2015.

Задача ИГИЛ – обеспечить доминирование во всем регионе. Подпольные террористические организации в центральноазиатских странах весьма чувствительны и отзывчивы к мобилизационным стимулам, исходящим из ИГИЛ.

Опасность ИГИЛ как новой геополитической структуры состоит в том, что террористическая организация стала государством. Образовалась взрывная смесь государства и организации, ставящей задачу всемирно-исторического охвата через мобилизацию подпольных организаций в почти двухмиллиардной зоне мусульманского населения.

Волна насилия на Востоке коррелируется с волной на Западе, и здесь пока что она выражается в отдельных террористических актах. ИГИЛ посылает своих эмиссаров не только на Восток, но и на Запад, пытаясь создать всемирную сетевую структуру террористического присутствия, дестабилизирующую политическую ситуацию на Западе и на Востоке при первой возможности.

Опыт ИГИЛ в сохранении своего влияния и власти растет, ее ресурсы неограниченны. Даже когда случится невероятное, и ИГИЛ под давлением США и их союзников прекратит свое существование, организационная структура сохранится. И террористическая опасность для всего мира выйдет на новый уровень.

Если «Аль-Каида» и другие террористические организации, принесшие столько бед мировому сообществу в первую декаду XXI века, были все-таки относительно неизвестными величинами с достаточно ограниченным числом участников, то ИГИЛ как государство-организация обладает совершенно новыми возможностями и масштабами действий и формирует уже не отдельные террористические отряды, а террористическую армию. Мир, таким образом, столкнулся с новой силой. Наиболее уязвимыми регионами мира становятся те, в которых преобладает мусульманское население.

Свидетельством этой угрозы является недавняя агрессия Саудовской Аравии против бедной арабской страны – Йемена. Поводом для авиаударов по городам и весям этой практически беззащитной страны стало то, что ее жители в массовом противостоянии изгнали действующего президента из страны. Саудовской Аравии в кратчайший срок сумела создать союз из десяти стран без какой-либо санкции ООН. Сюда тут же устремились тысячи джихадистов из отрядов, действующих в Сирии, из ИГИЛ, превращая весь Аравийский полуостров в зону хаоса. Известный итальянский общественный деятель Дж. Кьеза говорит, что эта агрессия имеет своей целью борьбу против шиитского Ирана. За спиной Саудовской Аравии сто-

ят спецслужбы США, Великобритании, Израиля¹¹⁷. Нетрудно представить, какие мощные террористические пороки устремятся из хаоса Аравийского полуострова в Центральную Азию.

Важно помнить, что по-прежнему большинство мусульман враждебны к исламскому радикализму и осуждают его, как не имеющий ничего общего со священными принципами Корана. Однако в этом противодействии новой мировой угрозе мусульманские государства являются первыми организованными силами, которые вынуждены принимать на себя новые удары радикального джихада.

Характерной особенностью подпольных организаций радикального джихада является их международный, интернациональный характер. Уроженцы Парижа могут действовать в Афганистане, выходцы из Китая – в Сирии или Дарфуре, Средней Азии – на Кавказе. Радикальные организации, которые западные спецслужбы готовили для противостояния с несогласными с ними режимами на Ближнем Востоке и в других странах Азии, сейчас обращают свое влияние против своих спонсоров.

Казнь японца, англичанина, американцев джихадистами на Ближнем Востоке говорит о том, что радикальные исламисты почувствовали свою силу и больше в покровителях не нуждаются. Строительство джамаата – государства из отдельных групп мусульман, объединяющихся с целью совместного изучения ислама и радикальных действий, реализуется в структурах государственного типа. Это предполагает задачу противостояния им как части государственной политики. Пока что необходимость постоянной государственной политики в противодействии терроризму не совсем или не до конца осознается в странах, ставших членами ЕАЭС. Однако только совместными действиями на государственном уровне можно предотвратить растущую глобальную опасность.

---

¹¹⁷ Къеза Дж. Аравийский плацдарм // Завтра. - 2015. - 1 апреля.

Проект «Социально-политическое измерение реализации процессов евразийской интеграции».

Выпуск № 1.

Евразийская интеграция: теоретико-методологические и практические аспекты.

Под общей редакцией
академика РАН Г. В. ОСИПОВА
и д. социол. н., проф. Г. И. ОСАДЧЕЙ

Н а у ч н о е   и з д а н и е

Подписано в печать 5.05.2015.
Тираж 550 экз.
Объем 6,5 уч.-издл., 7,4 усл.п.л.